

The illustration depicts a young woman with blonde hair tied in a ponytail, wearing a white blouse and a blue and red corset. She holds a large bunch of green leafy vegetables in her left hand and a scythe in her right. She stands in front of a stone house with a steep, gabled roof and arched windows. The scene is set in a lush, green environment with large leaves in the foreground and other figures visible in the background.

Анна Леденцовская

Илька
из
Закустовки

Анна Леденцовская

Илька из Закустовки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70243378

SelfPub; 2024

Аннотация

Поступать в магическую академию Ильке не хочется, но надо. Ее там давно заждались вместе с питомцем – спасённым в младенчестве фронтирским «чудищем». Но и оставаться чревато, папенька уже подыскал жениха. И так плохо, и эдак не нравится. Но Лисовские не сдаются! Главное – понять, какой тебе дар достался...

Содержание

Глава 1. О пользе своевременного принятия решений	4
Глава 2. Про нервные терзания и недолгую дорогу	18
Глава 3. О магических опасностях и сложностях взаимопонимания	29
Глава 4. О пользе и вреде любопытства	39
Глава 5. О неприятностях	50
Глава 6. О пользе одиночества и новых знакомствах	61
Глава 7. О болтовне и разных артефактах	72
Глава 8. О том, может ли третий быть лишним	84
Глава 9. О надеждах, страхах и первых врагах	95
Глава 10. О «легком» экзамене и разных личностях	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Анна Леденцовская

Илька из Закустовки

Глава 1. О пользе своевременного принятия решений

– Илька! Илька, вот отец вернется – мигом тебя отыщет!
Лучше сама выходи! Всыплю по первое число, паразитка ты
этакая!

Громкие крики матери разносились далеко за пределы двора. Илька, сидя в зарослях ежлены, только морщилась на очередной вопль разозленной родительницы. Разумеется, никуда сейчас выходить она не собиралась, а к вечеру, глядишь, мать и поостынет. Работой, конечно, нагрузит, да и отец парой воспитательных подзатыльников наградит, но зато сейчас можно в тишине и покое хорошенько подумать.

В этих кустах, которые обильно росли по всей деревне, отгораживая дома друг от друга густыми колючими изгородями, на задворках их участка у Ильки уже давно было оборудовано что-то вроде собственного логова. Такое уютное место, куда вел скрытый проход, в который, если и найдут, не всякий протиснется. Крошечный пятачок свободной зем-

ли, засыпанной прошлогодними листьями под густой кроной полутораметровых кустиков, был застелен стареньким лоскутным одеялом. Под одним сильно вытянутым и не очень раскидистым кустом Илька пристроила заботливо прибранный к рукам старый ящик для инструментов, оттащенный в сарайку одним из старших братьев за ненадобностью.

Им не надо, а вот ей в самый раз. Ящичек-то влагонепроницаемый!

Туда девушка складывала, выбираясь из своего убежища, вещи, сейчас разложенные вокруг нее для удобства.

– Ильмартендилия! – Вопли матери раздались уже неподалеку, и Илька затаилась, боясь себя выдать.

Она покосилась недовольным взглядом на ведро, дно которого сиротливой кучкой украшали две горсти ежлены. Сказать, что увлеклась сбором ягод и ничего не слышала, будет совсем неправдоподобно, надо было хоть полведерка натрясти с этой колючей пакости.

– Ильмартендилия! Иди сюда немедленно, скверная девчонка! Исправь то, что натворила, позорище нашей семьи!

Илька скривилась.

Раньше звания позорища достаивались только ее братцы Люк и Ален, неугомонные близнецы. А теперь вот она. Конечно, братики окончили академию и сейчас уважаемые некроманты. А один даже женился на гномке из хорошей семьи, и мать его теперь чуть ли не боготворила! Грета была природницей, так что их небольшое поле за домом, не говоря

уж об огороде, цвело и плодоносило на зависть всей округе. Девчонка осторожно всмотрелась в просвет между листьями и ветками. Мать стояла совсем рядом с ее убежищем. Еще хорошо, что у любимой матушки нет второй ипостаси, как и у всех женщин в их семье. Да и магии никакой нет, а то мало ли...

– Ильмартендилия!

– Да что же это такое! – Ильку передернуло, свое полное имя она просто ненавидела.

Как можно, придумав нормальные имена четверем старшим сыновьям и двум старшим дочерям, назвать самую младшую такой длинной и по-старушечьи старомодной жутью?! Наверное, рассудок помутился после родов. А может, тетушка, старая дева, приехавшая помогать, да и, откровенно говоря, просто от скуки, голову задурила.

Книги ей какие-то читала про благородных и богатых из разных государств. По ним Ильке имечко и выбрали. Была там в каком-то пропахшем нафталином и погрызенном зубокусиками томике Ильмартендилия. Состоятельная дама, руки которой добивался то ли принц какой, то ли король. И было это в какие-то замшелые времена, когда драконы пешком ходили, а двуипостасные по норам жили*.

Эти две придумали имечко, а Илька страдай! Хорошо, сократить смогла до приемлемого, когда говорить научилась. А до этого как только не обзывали и свои, и чужие. Мартиля, Дилинька, Тендиля – и это еще нормальные. А в деревен-

ской школе для обучения грамоте и счету, где всего-то один класс, как только подружки-соседки да пацанята-задиры не отрывались! Но там хоть старшие сестры, да и братья на выручку пришли. Кто-то из обидчиков волос не досчитался, а кто-то зубов, когда Илька в слезах домой прибежала и пожаловалась.

Все же в семье ее любили, самую младшую, и баловали, пока не подросла.

Потом к ним приходили отцы и матери тех дразнил, скандалили и грозились. Папуля Лисовский решил все махом. Наведался в школу сам. С топором. Грозно рыкнул, что дочурку зовут Ильмара, можно Илька для друзей, а кто обзывать будет, к тем он домой заглянет. Пусть родители с чадами разбираются, раз те по-хорошему не понимают.

Задирать Ильку в школе перестали, но злобинку некоторые затаили. Отыгрывались в детских играх, а порой выставляли ее виноватой в разных проказах.

«Так и знал, что ты тут торчишь!» – ворвался в детские, не самые приятные воспоминания ворчливый голос.

По секретному лазу в кусты пробрался Шуршегрем.

Этого зверька Илька еще девчонкой подобрала в лесу, маленького, черного, как уголек, и кашляющего густым серым дымом. Она прятала его в сарае, а когда колючего черныша обнаружили Люк с Аленом и чуть не убили с криками, что это опасная нечисть с фронта, закрыла питомца собой. Тут у Ильки и проснулась магия. Найденыш окрасился розова-

тым, перестал кашлять, зато в голове девочки стал отчетливо звучать ворчливый пацаний голос. Близнецы опешили от перемены окраски фронтирской твари, каким-то хитрым способом вызвали худого рыжего дяденьку в черном, называя его «профессор Рорх», и предъявили ему младшую сестру и ее колючего приятеля.

Дяденька оказался хорошим, веселым. Братьев за что-то похвалил, Ильку погладил по голове, выдал из кармана горсть конфет в разноцветных фантиках, зверюшке нацепил на загривок под иголки что-то вроде липучки-репейника.

– Думаю, когда ты, малышка, подрастешь, в академии найдется для тебя факультет, – пообещал он ей напоследок, перед тем как уйти порталом. – Только вот какой, сказать не могу, непонятно пока. А за зверем присматривай, непростой он...

Теперь Грема вымахал в здоровенную зверюгу, Ильке почти до середины бедра, и ворчал в ее голове мужским тенорком, иногда переходя на визг, когда был сильно чем-то возмущен.

Сейчас эта игольчатая кочка пыхтела, как гномий тарантас на бракованных кристаллах, и, посверкивая глазками, перла напролом прямо к тряпичному свертку на ящике. В свертке лежал утащенный утром с кухни кусок медового пирога.

– Эй! Мне еще тут до вечера сидеть, а тебя мать точно покормила! – рассердилась Илька негромким шепотом, пы-

таясь следить за удаляющейся к дому женщиной и одновременно защищать от прожорливого питомца свой обед.

«Да разве ж это можно назвать кормежкой? – Недовольный мужской голос у нее в голове фыркнул. – Салатик какой-то да чуток хлеба вчерашнего».

Маленькие глазки на морде животного попытались выдавить скупую слезинку, а морда напряглась, пытаясь втянуть щеки и придать себе вид голодающего.

Но Илька прекрасно знала, как выглядит «салатик»: тазик хрустящих корнеплодов, заправленных простоквашей. А вчерашнего хлеба оставалось аж полтора каравая, поскольку отец с двумя самыми старшими братьями из леса вчера еще не вернулись. Дядька Мохшук их видел и передал, чтобы ждали на следующий день к вечеру.

«Да и зачем тебе тут сидеть? – Грема, сделав вид, что оставил попытки добраться до лакомого кусочка, сел на упитанный зад, постукивая колючим хвостом. – Ничего ты особо и не сделала. Вполне неплохо получилось, Грете бы понравилось. Может, у тебя природная магия?»

– Да не приведи создатель! Это же всю жизнь потом тут на грядках просижу! – Илька едва сдерживала возмущение. – В городе-то природники не очень и нужны, наверное, а значит, придется после учебы вернуться домой. Лучше бы не природная.

«А какая? – с любопытством спросил Шуршегрем, стараясь незаметно подвинуться поближе к ящику со свертком,

вкусно пахнущим медом. – Бытовая? Ведь ты меня покрасила! В розовый!»

Всякий раз, обсуждая магию, он вспоминал этот вопиющий факт и злился.

«Не могла приличный цвет выбрать! Ужасно!»

– Да не выбирала я, – как всегда, начала оправдываться Илька. – Оно само так вышло, я маленькая была. И это не розовый, а малиновый. Тебе идет, между прочим.

«Отвратительный цвет! – взвизгнул в ее голове голос Гремы, а он сам, подскочив мячиком, схватил-таки вожаемую тряпочку с пирогом и со всех лап кинулся на выход, хихикая и советуя вылезать из кустов. – Там обед, между прочим, стынет. И исправь, что натворила, мать простит. Хвост не тронь, паразитка!»

Визг колючего воришки ввинтился в мозг, и девушка выпустила роскошный хвост, за который успела поймать беглеца. Правда, пара длинных игл остались в ладони, а убегающий зверь пообещал ей все кары мира за такое надругательство.

– Вот прихлебатель вредный! Вроде и матери убежище не сдал, но ведь теперь до вечера не досидишь, голодной-то, – посетовала Илька на проныру, прибирая иглы в ящичек. – Одними ягодами сыт не будешь. Наверняка матушка ему что-то пообещала, если блудная дочь раньше отыщется. Придется собирать ежлену, чтобы хоть не с пустыми руками возвращаться, может, тогда и наказывать не станет.

И чего разозлилась? Ну подумаешь, сорняки вымахали до колена. Так и корняшма вместе с ними тоже. Ее повыдергать, раз созрела, а сорняки пусть вон Люк упокоит, что ли, или Алэн, когда в гости приедут, обещали ведь скоро наведаться.

Илька не особо интересовалась, в чем заключается магия братьев, но почему-то считала, что упокоить можно все что угодно, если оно живое. Ей и в голову не приходило, что это подходит только для ожившего мертвого. В чем Илька была уверена, так это в том, что к некромантии ее дар не имеет никакого отношения.

И вот тут ее мысли как раз и вернулись к проблеме, которую она, отлынивая от работы по хозяйству и прячась от матери в кустах, обдумывала уже не первый день. Стоит ли поступать в академию и какой же все-таки у нее дар?

– Илька! – Новый крик, но уже другим женским голосом заставил ее подскочить на месте, и пряди светло-русых волос запутались в колючках ежлены. – Иль, вылезай. Я там твое художество исправила.

– Грета? Это что же, значит, Алэн с ней в гости приехал, а может, и Люк с ними. Наконец-то! – Такой удаче Илька обрадовалась.

Во-первых, мать сменит гнев на милость и не будет наказывать, тем более что гномка в огороде уже похозяйничала, порядок навела. А во-вторых, можно будет посоветоваться по поводу академии, да и ежлену тоже не собирать.

Не любила Илька все эти огородные работы и сборы да-

ров леса. Хотя трудно сказать, что вообще она любила. Ей все время казалось, что где-то в городе жизнь гораздо интереснее и там нет таких нудных ежедневных дел, народ живет весело и беззаботно.

— Вот в академии всяко лучше, — рассуждала она, сворачивая одеяло и укладывая в ящик. Туда же был сунут толстый блокнот, в который записывались важные, на взгляд хозяйки, события и где хранилась полезная информация.

Например, рецепт маски для волос с рясчаткой болотной и рассуждения о некоем Франеке, который, по мнению ее отца, вполне годился на роль мужа дочери.

Парень, как считал родитель, имел несомненное достоинство в виде надела земли, гончарной мастерской отца и дяди караванщика, а по мнению Ильки — был прыщавым занудой с бесцветными рыбьими глазками и соломенными прямыми волосами, расчесанными на прямой пробор и торчащими за ушами.

Достоинств, как полагала Илька, этот прыщ не имел совсем, а его появление она и вовсе считала крайне вредным для себя фактом, в свете которого академия манила ее все больше.

Только вот факультеты, на которых там обучали, Ильке совсем не нравились. Быта ей хватало дома, природный как альтернатива огороду ее не привлекал, некромантский, благодаря братьям, был более знаком и даже окутан каким-то романтическим налетом, но вот кости и трупы разной сте-

пени свежести по понятным причинам вызывали брезгливость. Такое же отношение она испытывала к целительству, поскольку помнила, как лечили самого старшего брата, которому падающим деревом раздробило плечо. Боевой, по ее мнению, и вовсе был не для девушек. Оставался только артефакторский, да вот беда: не ладилось у нее с расчетами и цифрами, а без них какие артефакты.

Отцепив волосы от мерзких крошечных колючек, Илька змейкой выскользнула из кустов. Низенькую фигурку Греты рядом с домом было сложно не заметить.

Во-первых, природница, завидев ее, запрыгала упругим мячиком, махая руками, а во-вторых, волосы жены брата ярко-рыжими пружинками скакали вместе с ней, словно огромный кучерявый прыгунок на фоне темных бревен дома.

– Илька, Илька, я привезла определитель! Ты же собираешься поступать? И еще Марк Радимирович просил привезти твоего Грему. Правда, Виолетта Дифинбахиевна не знает, куда его селить, если ты поступишь, но, может, к Марии Спиридоновне в ее мирок или в склеп к самому профессору Рорху, он там все равно уже почти не живет.

Энергичная и деятельная Грета не могла устоять на месте и кинулась к золовке.

– Представляешь, в прошлом году на бытовой, оказывается, поступил какой-то парень! Бедолага. Наверное, тяжело ему было, одному среди этих желтых куриц. Тем более он с

фронтира, из семьи гарнизонных военных. Манефа Ауховна уехала с мужем в пустоши, но вернется к началу учебы. Здорово будет, если ты на природный поступишь. Сейчас определителем посмотрим и все узнаем! Ален считает, что, зная свой дар, ты лучше подготовишься. Пошли скорее! – Грета, схватив Ильку за руку, как маленький гномий тарантасик на магической тяге, потащила ее в дом. – Вот Люк от Винни вернется, и мы тебя отвезем. И зачем он к этому пустоголовому троллю поехал? Опять там натворят что-нибудь.

К своему давнему поклоннику со времен студенчества, троллю Винни, гномка относилась с пренебрежительной снисходительностью. Для нее в нем всего было слишком. Слишком большой, слишком лысый, слишком много ест и слишком много пьет. Дружбу мужа и его брата-близнеца со здоровенным оболтусом она не одобряла, но не вмешивалась, предпочитая все знать и контролировать по ходу дела.

Не разделяя радостных порывов Греты, Илька тем не менее поплелась за ней в дом. Видимо, пришла судьба узнать, на что же она годна и повезло ли ей с магией.

Как назло, в калитку в это время проскользнул прыщ Франек, разодетый как на именины, да еще и с букетом. За ним маячил его отец с братом караванщиком, тоже при параде, а завершал эту процессию ее, Ильки, родной папаша в весьма благодушном и не совсем трезвом состоянии. Точнее сказать – в абсолютно нетрезвом. Братья, может, в лесу и задержались, а вот родитель загулял в гостях и, судя по всему, все-

рьез решил выдать дочь замуж.

Как говорится, если утро не задалось, то день и вовсе пропавший.

Тучи сгущались над русой головой Ильки с какой-то решительной неумолимостью, заставляя выбирать дальнейший жизненный путь здесь и сейчас.

Смотря на маслено-прыщавую, нездорово красную рожу тоже хмельного Франека, Илька поняла: что бы ни показал магический определитель, в академию она поедет! Даже несвежие зомби казались ей уже вполне симпатичными ребятами на фоне новоиспеченного женишка.

«Грему на него натравлю, в розовый его покрашу, сорняки вместо патл ему на тупой башке выращу! – разозлилась Илька. – У меня магия неконтролируемая и братья некроманты! А папочка еще от матери получит!»

Что произошло потом, никто так и не понял.

Из дома выскочил малиновый колючий шар, жутко клацающий зубами, за ним хозяйка дома с деревянной скалкой, в небе гроыхнуло, и букет Франека вырос на пару метров, придавив тщедушного «прыща» ворохом гигантских стеблей.

Иереней Лисовский пьяненько свел глазки в кучку, посмотрел на грозно нахмурившуюся жену, на будущего зятя и его родню, пятившуюся задом к калитке от грозно трясущего иглами Шуршегрема, и, покосившись в сторону замершей рядом с невесткой дочери, махнул рукой.

– Вот же затейница! Ик... Загадо... гадно... загадочни...ность строит, завле...ик...ает. Жених должен... ик... испытание и напор, и заво...ик...евать!

Жених сучил ножками под огромным букетом и трудно-сти преодолевать явно не желал.

Ален, выйдя на крыльцо за матерью, расхохотался.

– Надеюсь, в академии ты наведешь шороху, сестренка. Потенциал есть. Сейчас женишка поднимем... Хотя, чтобы поднять, надо же сначала упокоить.

Парень картинно размял пальцы.

Ворох толстенных стеблей с соцветиями величиной с суп-ницу, спасаясь, заскользил к калитке, словно таракан на то-щих ножках. Как Франек умудрился проделать этот трюк, лежа на спине, Илька не поняла, а папаша Лисовский, поче-сав волосатую грудь в вырезе полурасстегнутой рубахи, ра-достно взревел, любуясь утекающим потенциальным зятем:

– Во! Талант!

И, рухнув в траву у дорожки, захрапел, свернувшись ка-лачиком.

– Пошли уже. Мать тут сама разберется. – Грета и Ален потащили Ильку в дом. За ними шмыгнул Грема, а со двора стали доноситься грозные вопли Дорнеи Лисовской и глухие удары, будто выколачивали ковер.

Впрочем, гулкий храп отца даже не поменял тональности. Обычный день, обычная семья, каких много в Закустовке.

* расхожая фраза, обозначающая очень, очень древние события

Глава 2. Про нервные терзания и недолгую дорогу

Лежа вечером в кровати, Илька ворочалась с боку на бок и никак не могла уснуть.

– И чего мне так не везет! Еще и штуковину ту магическую поломала. Или она сама сломалась? – Девушка села и, вымещая кулаками раздражение от череды нелепых событий и досадных случайностей, старательно взбила подушку. – Про дар свой так ничего и не узнала. А утром уже уезжать.

Ее золовка Грета, гномка-природница, была дамой потрясающе энергичной и деятельной. При невысоком росте и плотной комплекции она умудрялась крутиться юлой и переделывать кучу дел, активно припрягая к решению нужных задач всех окружающих, а в особенности собственного мужа Алена Лисовского и его брата-близнеца Люка.

Поскольку женитьба на хозяйственной и рассудительной гномке мало изменила характер братца, то постоянные дела, подбрасываемые ему супругой, были спасением от неприятностей, куда, будучи ничем полезным не занятыми, близнецы вляпывались только так.

В свое время, учась на некромантском факультете

МАСМ, они что только не вытворяли, прославившись на всю академию как хитро-пронырливые лоботрясы Лисовские. Может, еще и поэтому Илька в академию поступать не сильно рвалась. Слава ее братцев была весьма сомнительной, и быть сестрой тех самых Лисовских с первых минут поступления вовсе не хотелось.

Еще и феррет ликвидаторов, который Грета раздобыла у своего дядюшки, вместо того чтобы показать ее магию, запустил в воздух попеременно сначала зеленым, потом синим, белым, желтым, красным и черным. Потом стал прозрачным и покрылся серебристой сеткой линий, внутри за клубился молочно-серый туман, сгустившись в свинцовую мглу, а в руки дезактивировавшей его озадаченной природницы феррет упал серо-стальным, словно выточенный из куска металла.

И вроде ее, Ильку, не ругали. Ален подозревал якобы повлиявшего на прибор Шуршегрема, находящегося рядом, Грета успокаивала девушку, что в академии-то дар определят точно и проблем не будет, Грема злился и вспоминал про покраску в малиновый цвет, сама будущая студентка расстроилась. Незнание пугало больше, потому как перспектива оказалась весьма туманной и непонятной.

Когда же к ночи появился Люк и радостно сообщил, что утром они отбывают в академию точечным порталом, нервы у Ильмары сдали окончательно. Она металась по своей девичьей спальне, натываясь на мебель и скидывая в старенькие

чемоданчики все, что, по ее мнению, могло пригодиться.

Затормозил этот поток хозяйственности и суеты только ворчливый тенорок Шуршегрема: «Ты всерьез считаешь, что без кочерги и ухвата тебя не примут? Или это какая-то примета, чтобы обязательно связать печной инвентарь цветными ленточками и утрамбовать в самый маленький саквояж?»

Только тогда Илька смогла остановиться и сейчас с недоумением вертела в руках крепко связанные шелковыми лентами всех цветов ухват с кочергой.

«Хотя можешь прихватить как оружие. – Голос Гремы сочился ехидством. – На поклонников надежды мало, там, поди, не деревня, а вот дамочки с плохим характером тебе точно дорогу перебегут. С твоим везением и вашей семейной репутацией конфликтов не избежать, а такой увесистый и оригинальный аргумент может сыграть решающую роль».

Колючий гаденыш примостился под столом и хихикал, постукивая хвостом по полу, длинные иглы шуршали и гремели. Именно благодаря этим звукам метаршигл в свое время обзавелся именем.

Ильмара, недолго думая, потыкала упомянутым «оружием» развалившегося шарообразного зверя и пригрозила поотрабатывать на нем тактику нападения и защиты от предполагаемых завистливых однокурсниц.

Взвизгнув у нее в голове работающей пилой, Грема удрал под кровать и, с трудом протиснувшись под спальное место на не сильно высоких ножках, ворчал оттуда, что такой

агрессивной девице прямая дорога на боевой.

«Будешь там бегать целыми днями и палками всякими махать, может, сил не останется обижать бедного маленького Гремочку!»

– Ну, во-первых, здоровенного и вредного, а во-вторых, там магическая академия. – Илька заглянула под кровать, где рубинами сверкнули в темноте красные глазки метаршигла. – Может, сил бегать за тобой и тыкать чем ни попадя у меня и не будет, но каким-нибудь заклинанием подпалить тебе хвост сумею. Так что не забывайся!

«Вот как тебя с таким характером замуж выдавать, скажи на милость? – Видимо, у зверька не иссяк на сегодня запас пакостливых остроумий. – Никто и не позарится, кроме болвана Франека».

Ильке надоела эта перепалка, ее больше беспокоил собственный стремительный отъезд, да еще и порталом, поэтому она отмахнулась, пытаясь все же припомнить, что написала сгоряча в свои чемоданы.

– Ну и ладно. Я замуж и не хочу, ничего там хорошего нет. Готовь да убирай целыми днями. Я, может, стану супермагичкой.

«Ага. Поступи сначала», – зафыркало из-под кровати.

Запал от суетного дня и новостей прошел, последние силы иссякли, и девушка, решив, что пара чемоданов и старая сумка вместили в себя все необходимое, рухнула на кровать.

Только вот сон не шел.

– Грема-а-а! Грем?

«Ну чего тебе? Спи уже!»

Под кроватью зашуршало, а голос Шуршегрема явно показывал, что, пока хозяйка мучилась сомнениями, колючее свинство благополучно дрыхло, но беспокоясь ни о чем.

– А порталом ходить страшно?

«А я почему знаю?»

– Ты же в лесу мне под ноги из такой темной дырки в воздухе вывалился... Наверное, как раз из портала. Не больно было?

«А я помню? Я маленький был. И вообще, завтра сама узнаешь! Было бы больно, фиг бы маги ими ходили. Спи!»

Аргумент был весомый, и Ильмара, представляя себя гуляющей по самому настоящему городу, все же провалилась в сон.

Утро принесло еще большую суету. Когда нервничающая девушка спустилась вниз на завтрак, за столом сидел маяющийся с похмелья молчаливый проспавшийся отец с огромной, уже ополовиненной кружкой простокваши, два старших брата, вернувшиеся с лесной делянки под утро и наворачивавшие кашу так, что за ушами трещало, и Люк с куском ягодного пирога, довольный и отвратительно бодрый. Мать хлопотала у печки, а Греты с Аленом еще не было.

На вопрос, куда потерялась семейная парочка магов, Люк расцвел улыбкой и сообщил, что Грета пошла добывать из огорода какой-то экспериментальный образец очередной

овощной культуры, прихватив мужа в качестве землекопа. Все-таки некроманты в качестве копателей были более чем выгодны, ибо по роду профессии лопата была их основным орудием труда помимо, собственно, магии.

– Надеюсь, ты собралась? – ткнул Люк в Ильку надкушенным пирогом. С кончика куска свесилась тягучая малиновая капля начинки, готовая вот-вот сорваться. И Люк, слизнув ее, сразу откусил приличный шмат почти до румяной корочки. – Ешь, и через часик отправляемся.

– Уже? – Ильке стало не по себе. Вроде и не одна она будет, но что вот так сразу спозаранку, девушка была не готова.

«А ты никак с женишком боишься не успеть попрощаться?» – опять съехидничал в голове голос довольного жизнью Гремы.

«А сам-то не боишься, что тебя там на опыты пустят?» – мысленно парировала Илька, накладывая себе полную тарелку сдобренной маслом каши с румяными кусочками корочки от запеченной пенки.

«Договорюсь!»

Колючий, как всегда, был самоуверен, но Илька-то чуяла: за показной бравадой питомца скрывается тщательно маскируемый страх, что, несмотря на другую окраску, отсутствие фронтирского фона проклятых тварей и «репейника» в колючках от преподавателя академии по фамилии Рорх, его могут признать опасным и подлежащим уничтожению.

Когда в кухню ввалилась отсутствовавшая чета Лисов-

ских, старшие братья уже ушли по своим домам. Их привычка, несмотря на свои семьи и выводок детишек, после работы в лесу питаться у родителей вызывала у матери закономерное ворчание о лишних расходах. Да и готовить на прожорливых мужчин приходилось много, но из года в год ничего не менялось. Два здоровенных лба, пропахшие хвоей и смолой, вваливались в отчий дом и, только сметя наготовленное, отправлялись воссоединяться с семьями.

– Иля, ты готова? – Рыжие кудряшки Греты, казалось, шевелились сами собой, а круглое личико довольной гномки являло неплохой контраст с недовольным лицом Алена, перепачканного землей и державшего в руках туго затянутый плотный мешочек. – Давай поторапливайся! Вещи твои в пространственный карман к Люку запихаем.

– А чего это ко мне? – тут же взвился брат-близнец ее мужа, стараясь незаметно вытереть липкие от варенья пальцы об уголок скатерти.

Матушка была начеку, и великовозрастному пакостнику досталось по затылку полотенцем.

– Не спорь с Гречкой! У них и так небось поклажи хватает, не переломишься.

– Ну, мам, в таком кармане вес вообще неощутим, сколько бы груза ни было. Там только магорезерв расходуется. – Люк ужом ускользнул от очередного замаха грозной миниатюрной родительницы к умывальнику в углу.

– Тем более! Гречка свои силы на наши посадки расхо-

дует, а не на всякие безобразия, как ты, бестолочь! – Дорнея ткнула пальцем в малиновые следы на белом полотне скатерти. – Вот какая от твоей магии польза? Нагадить нагадил, а чистить мама должна, ручками.

– Мам, мы же тебе целую банку лучшего магического стирателя дарили! – взвыл оскорбленный такой характеристикой Ален.

– И что? Можно теперь все пачкать? – резонно парировала родительница и захолопотала вокруг дочери. – Ты, Илюшка, точно все взяла-то? Может, перебрать вещи? Вдруг забыла что? А корзинку еды в дорогу я еще не сложила...

– Мама! – тут уже не выдержал Люк. – Какая дорога? У нас прямой портал в Грослиндел, а там в таверне жены нашего завхоза отлично кормят.

– Вот ведь вырастила паразитов! – Расставание с младшей дочкой, видимо, давалось женщине нелегко, и любая мелочь моментально выводила ее из себя. – То есть моя стряпня не чета городской? Да? Мамино бесплатно не надо, лучше монеты потратить в таверне! Транжиры! Сейчас соберу, и чтоб взяли! Это не для вас, а Илечке.

И, опять хлопоча над дочерью, Дорнея сунула той в руки матерчатый потертый мешочек.

– Вот тут на первое время, зря не трать. В академии-то кормят бесплатно, но еще поступить надо. Ты береги себя. – На глаза худенькой невысокой женщины навернулись непрошеные слезы. – Вот и самая младшая из семейного гнезда

вылетает...

Иереней Лисовский неловко обнял жену и, мрачно сверкнув глазами на сыновей и невестку, буркнул дочери:

– И чего удумали девок в академии учить? Замуж бы вышла – и вся недолга. Франек-то долго ждать не будет! Завидный же жених, быстро какая-нибудь хваткая вертихвостка себе приберет. Может, передумаешь да никуда не поедешь?

Слова папеньки только укрепили решимость Ильки срочно слинять из дома, а там, глядишь, и правда «прыща» Франека кто-то из местных девок окрутит.

Люк уже успел смотаться наверх и под молчаливым пристальным контролем Гремы упаковать в пространственник чемоданы сестры.

«Кстати, он твое рукоделие из ухвата с кочергой тоже прихватил. – Хихиканье питомца зазвенело колокольчиком у Ильки в голове. – В затылке почесал и сунул. Видать, решил, что тебе не помешает!»

Возмутиться и потребовать, чтобы братец вытащил печной инвентарь, Илька не успела. Сначала мать повисла на шее, заливая слезами, потом отец опять завел свое бурчание про Франека, а потом Грета, схватив ее за руку, потащила на задний двор, где Люк активировал портал.

Рассмотреть его во всей красе Илька не успела, поскольку едва замерцало напитанное черной некромантской магией кольцо перехода, как золовка втащила ее в него. Следом шмыгнул Шуршегрем, а за ним слаженно шагнули близнецы.

Портал схлопнулся, а Илька застыла на булыжной мостовой узкой улочки и деревенской тетехой пялилась по сторонам, раскрыв рот.

Мимо проскочила, хихикнув на ее изумление, стайка нарядно одетых девиц, и Илька, смутившись, закрыла рот и уткнулась взглядом себе под ноги. Платье на ней, казавшееся вполне нарядным, было хоть и новое, но скромное – темненькое в мелкий цветочек. А ботиночки на ногах больше подходили шлепать по деревенской грязи, а не по чистеньким мощенным камнем улицам с яркими витринами.

– Пойдем скорее, нам вон туда. – Гномка опять потянула ее за руку. – Сейчас заселимся и ходим в академию. Разузнаем там что и как, документы твои отдадим.

Грета тащила ее к основательному трехэтажному зданию с вывеской «Таверна Сары Шнырь».

Стараясь поспевать за гномкой и смотреть под ноги, разглядеть снаружи настоящую городскую таверну по-хорошему Илька не успела, зато внутри изучила все очень внимательно.

Пока братья исчезли где-то в глубине зала, золовка усадила ее за свободный столик, под который моментально шмыгнул Шуршегрэм, затаившись под свисающей со столешницы нарядной вышитой скатертью.

Посетителей с утра в заведении почти не было. Илька могла не стесняясь рассмотреть незамысловатый, но очень уютный интерьер с добротной мебелью, нарядными занавесками

на окнах и красивыми светильниками на стенах и потолке. В отличие от их сельского трактирчика, хоть двухэтажного, но приземистого и с низкими темными потолками, городская таверна была светлая, и пахло в ней так вкусно, что у наевшейся дома Ильки все равно потекли слюнки.

– Так эта, что ли, тоже из Лисовских? – раздался у нее за спиной ворчливый голос. – И на какой же факультет собралась поступать со своей зверюгой? Некроманты-то, может, и переживут еще одного представителя вашего семейства, а вот если к бытовикам или целителям, то не приведи создатель!

Гномка подскочила с лавки, здороваясь, а Ильмара только и успела, что обернуться и снова застыть с раскрытым ртом, упершись взглядом в роскошный массивный крючковатый нос пожилого гоблина.

Глава 3. О магических опасностях и сложностях взаимопонимания

Пока Илька разглядывала колоритного носатого старичка, гоблин, поприветствовав Грету, не преминул еще раз поддеть молчавшую девушку, видимо, чтобы как-то расшевелить, в своей обычной ехидной манере:

– А точно из Лисовских-то девах? Какая-то тихая она. Может, приемная?

Не успел Пафнутий Саврасыч договорить, как с недоумением шарахнулся прочь, а под столом обиженно взвыл Грема.

«У-у-у! Меня обожгло! Укусило! Долбануло! Погибаю во цвете лет! Мои усики!»

Визг в голове вывел Ильку из ступора, и она, нимало не задумавшись, как выглядит со стороны, нырнула под скатерть и вытащила питомца за лапы, чтобы рассмотреть, что с ним произошло.

Слезящиеся обидой глаза и скрученные на кончиках, слегка подпаленные усы страдальца ее успокоили, но причитания метаршигла не умолкали. Илька морщилась про себя от громкости причитаний в голове и пыталась уговорить Шуршегрема не скандалить.

– Это чегой-то? И тебя, что ли, задело? – Пожилой гоблин в недоумении покрутил на себе браслет, поправил висящий на цепочке от часов какой-то значок и пожал плечами. – Не должно было. Защита только на твоего зверя сработала. Что ж ты его не воспитала-то? Кусать работника магической академии небезопасно, а магов – вообще почти несовместимо с жизнью. Кто знает, что за защиту они на себя накрутят...

Напуганный такими сведениями Грема заскулил уже вслух, а у Ильки в голове пожаловался, что просто хотел чуть прикусить противного дедка за его гадкие слова в адрес хозяйки.

«Кто же знал, что на нем магия какая-то...»

– Ой, Грема, не ной. – Грета, зная Шуршегрема как облувленного, отмахнулась от пытающегося разжалобить всех колючего зверя. – Зато наука тебе будет. Как ты в академии-то жить будешь с таким поведением? Сначала надо думать, а потом делать. Скажи спасибо лучше Пафнутию Саврасовичу за науку. А вы, Пафнутий Саврасович, тоже извинились бы, что ли! Это мы к вашим шуточкам привычные, а Ильмарочка у нас первый раз в городе и не освоилась пока нигде. Вот Шуршегрем за нее и попытался вступить. Илечка, это завхоз МАСМ, Пафнутий Саврасович Шнырь. Он так-то хороший, только вредный немножко, как все гоблины.

– Можно подумать, гномы сильно полезные, – не остался в долгу завхоз. – Только и можете, что дырки в горах расковыривать. А ты, девчулька, прости старика. Не со зла я. Зна-

чит, Ильмара Лисовская. А магия у тебя какая? У нас все факультеты как на подбор, везде хорошо. Лучшая академия в округе. И ректор у нас замечательный, сама Эртониза д'Азфир!

Про то, что ректор в академии драконица, Илька знала, братья говорили. Рассказывали много хорошего. И что справедливая, и строгая, и повеселиться может со студентами, если праздник какой.

«Илька! – Лапа Гремы потянула ее за подол. – Я туда не хочу уже. Если там все маги, то будут измываться надо мной, а я и ответить не смогу. Это не твоего ухажера пугать. Долбанут магически – и прости-прощай, Гремущка, вечная тебе память».

Пухлая печальная мордочка метаршигла скуксилась, как будто он кислицы пожевал, а встопорщенные на спине иголки поникли.

– Этот зверь-то твой разумный, что ли? – Пафнутий Саврасыч разглядывал колючего малинового зверя.

– Это фронтирский метаршигл, – просветила гоблина Грета, отчего тот аж за сердце схватился, а Шуршегрем, сразу приободрившись, приосанился. – Его Илька маленьким нашла и что-то колданула с перепугу. Поэтому он неопасный, розовый и с ней как-то общается, а остальных просто понимает. Его профессор Рорх обследовал тогда и велел привезти потом, когда Ильмара поступать приедет.

– Так вот оно что, – почесал Пафнутий кончик выдающе-

гося носа, пока Грема злобно костерил гномку, что он не розовый, а малиновый, и Ильку, что это она его так изуродовала.

– А чего это ты, старый, девчонок мне тут маринуешь? Почему на кухне с этого столика заказа нет? Греточка, твой пронырливый муженек с братом сняли комнату на одного и, оставив там багаж, вернули ключ. Сказали, для сестренки сняли. В академию поступает. – Глубокое грудное контральто разнеслось от стойки на весь зал.

К их столику под изумленным взглядом Ильки двигалась высокая статная красавица с черными как смоль косами на пышной груди. Только серебристые нити, кое-где мелькающие в волосах, лучики морщинок да много повидавший взгляд выдавали ее возраст. Подскочивший с места Пафнутий моментально оказался в сдобных объятиях жены, утонув носом в декольте, поскольку только дотуда и был росточком, а столик начал заставляться аппетитно пахнущими вкусностями, которые шустро принесли юркие официанты.

– Я не совсем поняла, мадам Шнырь, а куда сам-то мой муженек с братцем подевались? – Грета даже не обратила внимания на поставленное перед ней фирменное блюдо гномской кухни «говядина в темном пиве».

– Сказали, дела у них, а в академию, сама знаешь, их без блокиратора со следилкой не пустят. – Жена завхоза пыхнула разноцветным ароматным дымком из зажатой в зубах изящно вырезанной курительной трубки. – Помнишь же, что

они там в свой прошлый визит учудили.

Гоблин, сидя рядом с супругой, раскатисто заржал, а Грета покраснела и насупилась, бормоча, что еще припомнит мужу его подозрительные «дела».

Ильке было очень интересно, что же такого устроили неугомонные близнецы, но, видимо, ей об этом никто рассказывать не собирался.

Шуршегрем, опять забравшийся под стол, слегка прикусил ее за ногу и начал сердито выговаривать, что сердца у противной девчонки совсем нет, да и совести тоже.

«Я тебя тут защищал, а кто меня в этом скопище магов защитит? – осенней мухой зудел он в голове Ильки. – Или ты меня тут оставишь? Может, они тут метаршиглов готовят по праздникам! И кстати, пахнет вкусно... А ты мне даже ни кусочка не предложила. Жадина!» – несколько не заботясь о логике своих рассуждений, возмущался всегда голодный Грема.

Сара была женщиной умной, да и опыт общения с разными магическими питомцами у женщины имелся. Чего стоила одна болтливая золотая рыбка Карп Поликарпыч или семейство выусней, которых как-то притащил похвастаться Пантелеймон, домовой некромантского факультета.

– Это питомец твой? Голодный, наверное? – ласково пропела она, искоса лукаво взглянув на высывающийся из-под скатерти кончик черного носа в обрамлении подпаленных усов. – А что это у него с усиками? Бедняжка! Он ведь

разумный? Меня понимает?

Шуршегрем высунулся из-под скатерти целиком, и маленькие пуговицы рубиновых глазок влюбленно уставились на потрясающую даму, так понимающую его тонкую душевную организацию.

– Сарочка, это так-то фронтирский метаршигл, – предостерег жену гоблин. – Вроде неопасный, после того как девочка на него как-то повлияла, но меня вот пытался покусать!

– Видимо, ты опять ехидничал и обидел зверька или хозяйку, а скорее всего, обоих разом! Его в академию тоже поведете? Тогда выдай колюченькому защиту, а то там наверняка найдется пара-тройка пораньше приехавших с фронта студентов. Ты завхоз и должен обеспечить безопасность для поступающих в том числе! – обратилась она к мужу, заставив Шуршегрема восторженно зашуршать по полу колючим хвостом.

– Сарочка, душа моя, но зверь не поступающий! – попытался избежать расхода казенного имущества на непонятную живность хозяйственный гоблин.

– А девочка поступает! – возразила мужу женщина, подсунув скромно молчащей Ильке под нос тарелочку с воздушным кремовым пирожным, одуряюще пахнущим ванилью и шоколадом. – Вот кинется она его защищать и пострадает!

Завхоз тяжело вздохнул и полез копаться в карманах, сердито ворча под нос, что только монстриков под защиту ака-

демии брать не хватало.

– Ни красоты, ни пользы, – бухтел он, никак не находя у себя в запасах подходящего на первое время артефакта, – одни расходы.

Сарочка тем временем успела обменяться новостями с Гретой, расспросив ее обо всем, окружила материнской заботой робевшую Ильку и организовала Греме здоровенную миску фруктово-овощной нарезки, предварительно выпытав у девушки, что любит питомец. Помимо салатика колючий получил полкаравая и кусок медовых сот.

Из-под скатерти теперь раздавалось только причмокивание, а в голове у Ильки восторженно гудело и стонало: «М-м-м... как же вку-у-усно! Потрясающая дама! И за что старому зануде такое счастье? Не хочу я в академию, я тут останусь. М-м-м... ням... ням-м-м... мням».

Но остаться разомлевшему от вкусняшек колючему шарик у не довелось. Завхоз отыскал-таки в своих бездонных карманах какую-то стекляшку на цепочке и наклонился к Шуршегрему.

– Смотри, не вздумай кусаться и слушай внимательно! – Ловкие длинные пальцы закрепили цепочку за маленькое ухо, и круглая стекляшка плотно зафиксировалась на глазу, словно прилипла к щеточке мелких иголок вокруг него. – Это монокль. Щит на нем не слишком надежный, но на первое время хватит, чтобы твоя хозяйка успела все объяснить напавшему. Главное же в нем не это, а то, что он поможет из-

бежать неприятностей! Аура потенциально опасных для тебя личностей будет светиться алым, ну, это такое свечение вокруг фигуры, – попытался обрисовать руками Шнырь. – Увидишь – лучше прячься, целее будешь. А поступит Ильмара – выдам что получше. Ясно?

Грема в монокле приобрел неожиданную солидность и важно кивнул, внимательно оглядев зал таверны. Агрессоров не наблюдалось.

А гоблин уже развил бурную деятельность, велел собираться:

– Чем быстрее оформим, тем проще будет. Девочка хоть по городу походит, осмотрится. К экзаменам подготовится.

Экзамены в академию были больше формальностью. На них просто проверялся уровень образования, достаточный для обучения магическим специальностям. Абитуриент должен был уметь писать, читать и считать, всему остальному учили в ходе обучения, разбивая на группы и выделяя в расписании место для факультативных занятий для отстающих. Тем же, кто экзамен не сдавал, предлагалось подучиться, если не наблюдалось магической нестабильности. Если же необученный маг был опасен, могли блокировать дар или предлагали носить ограничители до достижения подходящего уровня подготовки.

Из таверны Сары девушки вышли в сопровождении завхоза и важно шествующего и шелестящего иглами Гремы. Идти было недалеко – через пару улочек к стационарному пор-

талу в виде квадратной будочки с четырьмя дверями. Рядом с каждой дверкой находилась в нише круглая сфера, завхоз ткнул в одну перстнем-печаткой на пальце, активируя переход.

Под восхищенным взглядом Ильки выбранная ими дверь открылась в огромный светлый холл с убегающей на второй этаж парадной лестницей и блестящим мраморным полом. Такой портал понравился ей больше неровной дырки со светящимися краями и мутной пленкой посередине, которую активировал Люк, где непонятно, куда шагаешь, потому что очертания выхода на той стороне сильно размывались и искажались.

– Ну вот! Добро пожаловать в МАСМ! – торжественно заявил Пафнутий Саврасович. – Вы давайте дуйте к Лэри, а потом вам, наверное, надо навестить профессора Бяо и Виолетту Дифинбахиевну. Грета, ты тут уже сама разберешься. И за девчонкой присмотришь, и за питомцем этим.

– А к Бяо зачем? – удивилась гномка.

– Так Рорха нет, а Бяо там магофон проверит, анализы всякие вон у колючего возьмет, дар девочки определит... Короче, я сказал: к Бяо сходите – значит, сходите!

Свалив с себя навязанные женой обязанности по сопровождению дам, старый гоблин шустро исчез, нырнув куда-то в боковой коридор.

Девушки же направились по парадной лестнице на второй этаж, где рядом с кабинетом ректора располагалась секре-

тарская, в которой исполнял свои обязанности морф по имени Лэри.

– Понимаешь, морфы, они считаются опасными, – рассказывала гномка, поднимаясь по широким ступеням. – Они похожи на мохнатые глазастые кучки со щупальцами, в принципе довольно симпатичные и пушистые. Зато в боевом виде наш Лэри выглядит как обычный мужчина, причем просто красавец. За ним все бытовички бегают из года в год. А опасны морфы тем, что в боевом состоянии насылают на противника его самый большой кошмар, у них срабатывает защитная аура на агрессию. Лэри очень хороший, если обращаться к нему по делу и не допекать романтическими бреднями. Поняла? – Гномка остановилась на последней ступеньке, чтобы отдышаться, и тряхнула своими кудрями-пружинками.

– Ага. – Илька точно не собиралась допекать какого-то мужика с мохнатыми щупальцами. Ей и «прыща» Франека в женихах хватило, чтобы преисполниться решительности не связываться даже близко с кем-то там на романтической почве.

Только вот, несмотря на рассказ Греты, она никак не ожидала увидеть парочку расфуфыренных барышень с томными вздохами, подсматривающих в приоткрытую дверь, за которой виднелся большой плюшевый осьминог бирюзового цвета.

Глава 4. О пользе и вреде любопытства

Лэри нашим девушкам обрадовался чрезвычайно: их появление спугнуло двух прилипал с третьего курса бытового факультета, которые не собирались ограничиваться томными вздохами, а шепотом строили план наступления на секретаря. И по тем отрывкам, что он успел уловить, его ждало весьма пикантное зрелище. К счастью, девицы не успели договориться о том, кто будет падать в конвульсиях и рвать на себе платье, а кто появится во время оказания помощи, чтобы якобы застукать мужчину на горяченьком. Две глупые курицы даже не понимали, что Лэри может просто построить телепорт в целительскую к дежурному лекарю, не вставая из-за письменного стола, благо его рабочее место было оборудовано всем, что только может понадобиться на его должности.

Грета, заходя в кабинет, просто отпихнула клуш с дороги и громко сообщила, что комендант бытового общежития Пыжик как раз искал, кому поручить подготовку комнат для первокурсников.

— Лэри, тут, кажется, желающие поработать рвутся, — заходя в приемную, заявила она. — Девушки, как ваши име-

на? Мы сейчас сообщим о вашем горячем желании принести пользу до начала учебы.

Торопливый стук каблучков начинающих хищниц прозвучал благодатной музыкой для ушей морфа.

– Госпожа Ровгон! Ой, прошу прощения, госпожа Лисовская, – расплылся в улыбке плюшевый осьминог, – все никак не могу привыкнуть. А эта прелестная мисс с вами, видимо, собралась к нам поступать?

Илька покраснела. Прелестной ее еще никто не называл, да и мисс тоже.

«Что, теперь будешь это бирюзовое чудище со щупальцами обхаживать, как те профурсетки? – Грема в голове не мог промолчать, по-своему пытаясь помочь ей побороть смущение. – Вот будет здорово, если к ним на факультет поступишь. Конечно, этот секретарь лучше Франека, прыщей нет, рожа не красная, а синяя, и лап вон сколько, обниматься удобнее».

Колючего гада очень хотелось пристукнуть, и раздражение помогло Ильке прийти в себя. К тому же Лэри уже протянул ей бланки для поступающих и указал на стул сбоку от своего стола.

– Вот тут образцы заполнения. – Бирюзовое щупальце подсунуло и открыло в нужном месте пухлую папку.

А Грета меж тем, с улыбкой наблюдая за всем этим, решила просветить секретаря о личности временной подопечной:

– Это сестра моего мужа, Ильмартендилия Лисовская.

– Лисовская? – Рука Лэри чуть дрогнула, и из папки выпало несколько листочков. – Сестра близнецов-некромантов Лисовских?

– Да. И моя золовка, – подтверждая, тряхнула рыжими кудрями гнома.

Грема, фыркнув, сунулся к выпавшим бумажкам, а морф, видимо, только сейчас сообразил, что помимо двух дам в кабинете есть еще одно существо. До этого Шуршегрем весьма удачно прятался за пышными юбками платья Греты и рассматривал Лэри через выданный артефакт на предмет опасности для своей драгоценной тушки.

– Фронтирский метаршигл? – Огромные бирюзовые глаза секретаря академии нервно задергались в шоке. Лэри разглядывал здоровенный колючий шарик с длинным и не менее колючим хвостом и зачислял новости в разряд возможных проблем в будущем. – Странный цвет для этого вида, а монокль с магической принадлежностью к академии, как я понимаю, не случайно у него оказался? Мне кажется, госпожа д'Азфир заинтересуется такой примечательной парочкой.

Лэри что-то понажимал на поверхности стола, выложенной искрящимися цветными кристалликами, и осторожно поинтересовался у старательно выводящей буквы Ильки:

– А ваши братья, совершенно случайно, не почтили академию своим присутствием?

Грета, расположившись на диванчике для посетителей и с ностальгией листая брошюрку о МАСМ, хихикнула и по-

спешила успокоить морфа:

– Ален и Люк где-то в городе. Они же в курсе, что им сюда просто так вход заказан. Мы с Пафнутием Саврасычем сюда добирались, и это он монокль Илькиному Шуршегрему временно выдал. Мало ли кто с фронта в академии окажется...

– Да-да. – Растерянный и явно что-то обдумывающий Лэри покивал, одновременно изучая вспыхивающую искорками сферу, стоящую посреди стола на специальной подставочке. – Завхоз уже, оказывается, все сообщил ректору, и она велела отправить вас сначала к профессору Бяо, а потом к Виолетте Дифинбахиевне.

Нагнувшись над столом и наблюдая, как Илька, отвлекшись от заполнения бланков, пытается отобрать две несомненно важные казенные бумажки у успевшего пожевать их Гремы, Лэри поинтересовался:

– А какая у Ильмартендиллии магия? Тоже на некромантский пойдет?

– Отдай сюда, это документы. – Илька пыталась отнять листки осторожно, чтобы не порвать.

«Они жирненькие и пахнут жареным мясом и еще чем-то вкусным, – урчал в голове голос метаршигла. – Документы такими не бывают, на этих ели или в них что-то съедобное заворачивали».

Грема явно не желал расставаться с добычей и победил в этой схватке, поскольку, услышав от секретаря ненавистное

«Ильмартендилия», Илька вздрогнула и выпустила бумажки.

Колючий обжора метнулся в угол под кадку с каким-то растением и торопливо зачихал понравившиеся листочки за щеку. Теперь его морда была перекошена на одну сторону, и создавалось впечатление, что у зверька вздулся флюс.

– Не надо Ильмартендилия, лучше Илька. То есть Ильмара, – торопливо поправила морфа девушка, набравшись смелости и сердито косясь в угол на довольного Грему. – Теперь ваши документы совсем испорчены. Что же делать? Грема сказал, что они вкусно пахли едой и почему-то были жирные. А какая у меня магия, мы не знаем.

Рассказывать, что они как-то поломали феррет управления ликвидаторов, она не стала, чтобы не портить и без того сильно подмоченную братцами репутацию фамилии Лисовских.

– Понятно, Ильмара. За этим, наверное, к Бяо и отправляют, у него хорошие приборы для определения магических потоков. А насчет бумажек не волнуйтесь, ничего страшного. Видимо, это... – Бирюзовые щупальца быстренько перебрали содержимое папки. – Как я и думал, образцы объяснительных для артефакторского и некромантского факультетов. Студенты не отличаются аккуратностью. Артефакторы часто рассеянны, кроме тех моментов, которые касаются их специальности, а некроманты вообще не задумываются о каком-то порядке. Им все равно, где жевать на ходу, особен-

но когда на носу экзамены: на кладбище, в анатомичке, на лекции или вот при написании объяснительных. Распечатаю новые, эти давно надо было заменить, но в связи с приемом новых студентов слишком много работы, а моя помощница Лейла сейчас в отпуске, гостит у родителей. И кстати, – морф посмотрел в угол на зверька, а потом на Ильку, – он разговаривает? Вы его понимаете?

– Разговаривает, – вздохнула Илька, старательно заполняя бланки, – прямо у меня в голове! Иногда я думаю, что лучше бы не говорил. И слышит мои мысли.

Грема мстительно взвыл и зафыркал: «Будто мне это надо! Ты вечно о всякой ерунде думаешь!»

Метаршигл зачавкал, пытаясь проглотить уворованный бумажный ком.

– Тогда я еще посоветовал бы вам заглянуть к артефакторам. – Лэри проверил заполненные документы и убрал их в ящичек. – Декан О'Валинтер точно заинтересуется вашей ментальной связью и сможет ее скорректировать, а еще, возможно, вашему питомцу подойдет ретранслятор речи. Если он не образами мыслит и передает, как, например, выусни, а нормально разговаривает.

Шуршегрем наострил уши, а Илька испуганно замахала руками:

– Нет-нет, не стоит! Если он еще и вслух начнет говорить, это будет кошмар. Тем более мало ли что наболтает...

«Что-о-о?! – возмущение Гремы было непередаваемо. –

Да я наконец-то смогу поговорить с теми, кто по достоинству оценит мой интеллект и красноречие, а ты собираешься лишить меня такой возможности?! Да я... да я сам тогда найду этого артефактора и сам со всем разберусь! Так-то ты заботаешься о моей безопасности?!»

– При чем тут твоя безопасность? Я о себе забочусь! Предлагаю, что ты про меня нарасказываешь всем вокруг, если сможешь, – не осталась в долгу Илька. – Ты все время гадости говоришь, а в академии с фамилией Лисовская мне и так нелегко придется.

Метаршигл, сидя в углу под кадкой, заерзал на колючей толстой попе, отчего иглы хвоста зашелестели, как сухие осенние листья.

«Я так делаю потому, что никто не слышит, и вообще от недостатка общения. Может, договоримся? – Темно-красные пуговицы глазок, на одном из которых блестело стеклышко монокля, хитро прищурившись, уставились на Ильку. – Я не буду говорить гадости вслух, а ты отведешь меня к артефактору».

– А мне какой в этом прок? Ты и сейчас их вслух не говоришь. – Сделка с хитрым зверьком еще ни разу не была для Ильки полезной. Грема всегда умудрялся все вывернуть наизнанку и отбрехаться, сделав ее виноватой во всех его проступках.

«Ну-у-у... Я могу узнавать для тебя что-нибудь, – немного подумав, предложил он новый вариант соглашения. – С

таким милым и неопасным мной студенты наверняка будут более разговорчивы, чем с девицей по фамилии Лисовская, а еще я буду кусать любого, кто назовет тебя Ильмартендия!»

Зная, как Илька ненавидит это имечко, метаршигл предложил просто шикарные, по его мнению, условия.

Впрочем, Ильмара понимала, что, возможно, зверьку и без нее со временем удастся раздобыть нужный артефакт, уж очень деятельным был этот колючий пакостник, когда дело касалось его интересов.

– Ладно! Договорились, но сначала пойдем определять мой дар. – Собственная магия и связанные с ней перспективы волновали Ильку гораздо больше.

Все это время Грета о чем-то тихонько разговаривала с морфом, который выдал ей какие-то документы, поставив на паре листов печать, а еще убрал в стол переданную природницей коробочку.

– Вторые экземпляры я отдам Виолетте Дифинбахиевне. – Довольная гномка убрала полученные бумаги в пространник и повернулась к Ильке. – Может, к ней сначала и сходим?

Илька переглянулась с Гремой и пожала плечами. К этой незнакомой ей Виолетте Дифинбахиевне все равно тоже было зачем-то велено сходить. И если к артефактору она не хотела, потому что на нем настаивал вредный Шуршегрем, то против посещения природного факультета возражений не

нашлось.

– Давай, – кивнула она, вставая со стула, и вежливо попрощалась с бирюзовым пушистым Лэри, который вдобавок выдал ей ознакомительную рекламную брошюрку для поступающих с картой-путеводителем по академгородку.

Грета просияла и, ухватив Ильку за руку, заторопилась на выход. За ними, шустро перебирая коротенькими лапками, потопал Шуршегрэм, не забыв еще раз окинуть взглядом через монокль осьминожистого морфа, на всякий случай.

Чтобы попасть в кабинет декана природного факультета, им пришлось опять спуститься на первый этаж и свернуть в боковой коридор, вдоль которого по одной стене располагались разноцветные двери, а по другой – большие окна с цветными витражными стеклами, изображающими символы факультетов. Из-за этого коридор был разделен падающим через стекла светом на цветные сектора и казался похожим на радугу.

– Красиво, да? – Гномка, тряся кудрями-пружинками, даже немного притормозила, давая Ильке полюбоваться зрелищем. – И не заблудишься ни за что. Нам вот сюда.

Она ткнула пальцем в кусочек коридора, залитый травянисто-зеленым светом. Дверь кабинета была обычная, темно-коричневая, в отличие от вычурной золотой и блестящей двери слева и лаконичной, белоснежной, словно наст зимой, двери справа. Зато сам кабинет, когда девушки, поступавшие и дождавшиеся мелодичного «войдите», оказались

внутри, был далек от Илькиного представления о кабинетах. Даже Грема открыл рот и встопорщил иглы, подозрительно косясь по сторонам и настороженно приносясь, поскольку создавалось стойкое ощущение, что они попали куда угодно, но не туда, куда шли.

Потолок терялся в переплетении ветвей, стен совершенно не было видно, за исключением кое-где проглядывающих сквозь растения книжных полок, а на полу вместо ковра лежал толстый слой ярких опавших листьев, почти как в Илькином секретном убежище дома в Закустовке.

Грета, выпустив руку золовки, уверенно направилась вглубь чудного кабинета, а Ильку отвлек метаршигл, обнаруживший в свой монокль что-то интересное.

«Смотри, вон там, да не туда смотришь! Вон под тем кустиком из-под листьев торчит блестяшка. Видишь? – Когтистая лапка тыкала куда-то в ворох листвы под куст, цветущий крупными голубыми цветами в форме зубчатых конусов. – Вот слепая тетеря!»

Фыркнув на хозяйку, Шуршегрем решительно сунулся под нужный куст и выудил из-под него резной, деревянный, блестящий лаком ключ. Только вот продемонстрировать находку во всей красе не успел.

Ближайшие воронки цветов колыхнули зубчиками, и из них в любопытного колючку выстрелили клейкие, как паутина, ярко-зеленые нити, растекаясь по иглам и склеивая их в прочную корку.

Грема громко и обиженно завизжал, не забыв при этом все же сунуть честно добытое за щеку, а Илья, не вспомнив о собственной безопасности, кинулась спасать питомца и тоже попала под раздачу липких, застывающих на ней струек из безобидных с виду цветочков. По всему заросшему растениями кабинету раздалась резкая, тревожная птичья трель, на которую тут же отреагировал тот самый мелодичный женский голос, разрешивший им войти.

– Грета! Ну как можно оставить без присмотра кого-то из Лисовских, даже если это не близнецы?!

Глава 5. О неприятностях

Из глубины растительных дебрей кабинета к парочке покрытых зеленой коркой застывшего сока неизвестного Ильке растения стремительно выбежала его хозяйка, златоволосая стройная эльфийка в мешковатом комбинезоне цвета хаки с кучей туго набитых кармашков. На ногах у нее были коричневые высокие сапожки без каблука, а изящные, выпачканные землей и покрытые мелкими ссадинками руки крепко сжимали ручку тяпки-рыхлилки.

Волосы, забранные в небрежный пучок, вместо ленточки обвивала лиана, кончик которой вертелся и поводил из стороны в сторону пучком листиков, словно диковинная змейка.

Виолетта Дифинбахиевна Франз была дамой замужней и серьезной, что по ее юному, как у большинства эльфиек, виду и небрежности в одежде сказать было трудно.

В этот момент Грема не нашел ничего лучше, чем сварливо разворчаться, обвиняя всех и вся, кроме себя любимого, в своих бедах. На его счастье и к огромному облегчению Ильки, слышала весь этот метаршигловский бред только она одна.

«Заманили в какие-то кустища вместо приличного кабинета, залили гадостью и еще с тяпкой кидаются, – нудно

забубнил он, увидев эльфийку. – Надо было идти к артефакторам сразу. А тут того и гляди станешь компостной кучкой для этих дурацких цветочков, не успеешь и глазом моргнуть, хоть с моноклем, хоть без него. И артефакт дали бракованный, дурацкий куст ничем опасным не светился, я смотрел!»

Будучи деканом природников, Виолетта Дифинбахиевна моментально оценила ситуацию: напуганная худенькая девушка с зелеными «соплями» на длинных волосах и милым платьице в цветочек пыталась оттащить от зубчаронки полевой своего питомца и почистить его слипшиеся коркой длинные иглы.

Девушка Виолетте понравилась, и то, как она заботилась о колючем, раздраженно фырчащем звере, ей тоже пришлось по душе.

«Хоть и из Лисовских, но ответственная. Не убежала с "места преступления" и приятеля своего не бросила», – одобрительно подумала эльфийка, но тут подросла пыхтящая, как паровая машина, Грета, отставшая от бывшей преподавательницы, с пунцовыми от стыда за золовку щеками.

Гномка была вне себя и готова хоть сейчас задать Шуршегрему хорошую трепку, сразу поняв, кто виноват в этом происшествии.

– Тебя точно надо было сначала вести к Бяю и попросить, чтобы он запер тебя в боксе для особо заразных, – с ходу начала она отчитывать Шуршегрема, едва переведя дыхание. – А ты-то, Ильмарка, зачем за ним полезла? – всплескивая ру-

ками, укорила Грета сконфузившуюся Ильку. – Ну, зафиксировало его ненадолго, мы бы пришли и разобрались, а теперь еще и тебя очищать! Хорошо, на лицо не попало, а на волосах и платье так и останутся зеленые полосы! И на Греме останутся. Будет теперь как ягодный куст, зелено-розовый. Все пчелы и бабочки на него слетятся, даром что тот еще репейник с колючками.

Метаршигл зафыркал на гномку, а косясь на хозяйку, еще и жалобно поскуливал, демонстрируя обиду. Сама же Илька замороженно следила за лианой, выделяющей какие-то кульбиты над головой эльфийки. Расшалившееся растение получило легкий шлепок ладонью, а сама декан, жестом велев Грете замолчать, участливо спросила:

– Ты так зверюшек любишь? И растения? Это хорошо, но технику безопасности надо соблюдать, особенно если ничего про них не знаешь. Злого умысла или озорства, которым отличались твои братья, я от тебя не ощущаю.

Росток у нее в прическе быстро вытянулся и, метнувшись в сторону Ильки, погладил ее по щеке.

– Надо же, даже Лириске ты понравилась. – Эльфийка чуть улыбнулась. – Может, все не так уж и плохо. Если ты поступишь к нам, то зеленые пряди в волосах и зелень на твоём метаршигле исправят частично его нефакультетский розовый цвет, который по оттенку красного подходит боевикам, а не природникам. Знания помогут больше не попадать в такие ловушки. И зачем только твой питомец к зубчаронке

полез? Она совершенно несъедобная, очень странно...

«Малиновый! Темно-малиновый! – Визг Гремы в голове ввинтился в мозг замершей в ступоре Ильки. – Мне еще зелени на моих чудных иголочках не хватало! Гадость какая! Не вздумай ей про ключ рассказать! Раз удивилась, зачем полез, значит, не ее вещь, не она прятала! Мы нашли – наша будет. А там и дверь найдем и, может, что полезное отыщем или даже прославимся! Вот пожалеет еще эта рыжая кучеряшка, что меня клумбой обозвала! Обещала пчел натравить! Илька, ты чего молчишь? Она пчелами командовать может! Спасай меня! Чисти уже и побежали отсюда, нам это природное точно не подходит! Мы тут не выживем, и у меня уже вся спина под иглами чешется! Я, похоже, уже превращаюсь в компост. А-а-а!»

Шуршегрем так заморочил Ильке голову своими воплями, что все, что она смогла, это принять из рук эльфийки тряпочку и бутылочку из темного стекла, чтобы почистить метаршигла. Липкая корка растительного сока прекрасно растворялась, но, как и обещала декан природников, оставляла на своем месте буровато-зеленые полосы и пятна, из-за чего иглы Гремы теперь выглядели весьма пестренько, а издалека его действительно можно было принять за ягодную болотную кочку.

Над самой Илькой поколдовала Виолетта Дифинбахиевна. Следы зелени на платье, как ни странно, вполне гармонично вплелись в цветочный узор на ткани, не испортив

одежду, но вот светло-русые волосы выглядели ужасно – как будто на них проступили пятна плесени.

Декан Франз только беспомощно развела руками.

– Возможно, магическая окраска исправит, но к бытовикам обращаться не советую. Девушки там все с характером, да и преподаватели у них тоже непростые. Природники на занятия с такими растительными экземплярами надевают специальную одежду. Жаль, что Манефа Ауховна с Габриэлем уехали вместе с Марией Спиридоновной погостить на фронт к Базуркевичам, они бы что-нибудь придумали. Габриэль – потрясающий алхимик, а Манефа – зельевар от создателя. С Марией Спиридоновной вы же вроде знакомы, она у вас как-то гостила проездом? Или ты тогда была слишком маленькой? – поинтересовалась у Ильмары эльфийка.

В голове у Ильки промелькнули воспоминания о невысокой полной женщине с чудесными крыльями, парочке фей-сладкоежек и серьезном мужчине со странными книгами в ярких обложках, который разрешил ей пощупать клыки у себя во рту. Она еще тогда заявила, сидя у него на коленях, что у ее папы клыки-то побольше будут, и дяденька весело смеялся.

– Помню, – ответила она на вопрос. – Это тетенька с крыльями и двумя феями. С ними еще был дяденька с клыками.

Про других членов того путешествия к ледяной ведьме Илька не знала, поскольку те остановились в трактире дядьки Рысека, так что в доме Лисовских она с ними не сталки-

валась.

– Дяденька с клыками? Это профессор Кронов Генрих Викторианович. Он где-то в академии, возможно, даже вспомнит тебя, у него хорошая память, – улыбнулась Виолетта.

Честно говоря, Ильке не очень хотелось, чтобы вспомнил. Это малышке тогда было наплевать, что она заглядывает в чужой рот, ей просто было интересно, а взрослой девушке было сейчас жутко неловко встретить этого дяденьку, который в академии целый профессор и преподаватель.

Между тем за разговором эльфийка уже увела их в другую часть кабинета, усадила на моховом диванчике и, словно танцуя, касалась то Ильки, то Гремы разными прутиками, цветущими ветками или бутонами. Илька заворуженно наблюдала, как меняют цвет прутики, вянет веточка, покрываясь лишайником, облетевший цветок завязывается семенной коробочкой, которая начинает светиться. Грема настоуженно косился и фыркал, Грета конспектировала происходящее, а декан, чуть хмурясь, что-то шептала под нос и, меняя природные материалы, повторяла свой необыкновенный танец.

– Очень, очень странно, – в итоге, сев на оплетенный шелестящим выюнком с серебристыми соцветиями стул, показала она головой. – В твоём даре есть нити непонятной магии, которую я не могу определить, никогда с таким не сталкивалась. Вам точно нужно к профессору Бяо. А ещё хоро-

шо бы пообщаться с Мальвой, она все-таки фея, хоть и цветочная, да еще и артефактор неплохой, вдруг что подскажет. Тем более Грета сказала, что вы на артефакторский факультет и так собирались, чтобы попробовать на вашем симпатяге ретранслятор речи. Было бы интересно поболтать с тобой, – с улыбкой обратилась она к Шуршегрему. – Мне почему-то кажется, что ты очень хороший собеседник.

Растаявший от неожиданного комплимента Грема чуть не открыл пасть, но вовремя вспомнил о заныканном за щеку таинственном ключике и только довольно сверкнул глазами.

«А она вроде ничего, умная, может, и ты такой станешь лет через сто, – сообщил он Ильке. – Природный факультет так-то неплох, огород наверняка есть, а значит, голодать не придется», – сделал метаршигл очередной гениальный вывод и тут же снова завел шарманку о посещении артефакторов, но Илька была неумолима.

– Грема, мы и так из-за тебя в гадость какую-то вляпались, потерпишь. Тем более не факт, что тебе эта штука подойдет, все же ты из фронтирской нечисти. Надо сначала разобраться с моим даром и твоими изменениями от этой магии.

Сколько бы ни ворчал метаршигл, хрустя сочными яблоками, которыми угостила его Виолетта Дифинбахиевна, но решено было все же отправиться к профессору Бяо. Тем более упомянутый целитель уже связывался с природницей и сообщил, что очень ждет обещанных посетителей в целительской лаборатории.

– Отлично. – Как всегда полная энтузиазма, рыжая Грета мячиком подскочила с диванчика. – У целителя Бяо вы точно задержитесь надолго, он очень дотошный во всем, что касается проверок здоровья и необычных способностей, так что я смогу вас оставить у него и разобраться со своими делами, а потом заберу вас и пойдем на артефакторский к профессору О'Валинтеру.

Гномка была довольна как никогда, поскольку если Ильмара не доставляла ей беспокойства, то вредный Шуршегрем был просто занозой в мягком месте с магнитом для неприятностей на кончике каждой своей иголки, поэтому таскать его с собой по важным для нее делам Грете не хотелось.

Целительская лаборатория, как, собственно, и весь медблок, кроме учебных аудиторий и кабинета декана, располагался в одноэтажной пристройке к главному зданию. Внутри все сияло белизной и стерильной чистотой, а развешанные по стенам картины со сценами врачевания и цветы в горшках, украшающие подоконники, красиво разбавляли интерьер яркими красочными пятнами.

Профессор Бяо был невысоким толстячком с желтой кожей, пучеглазым и большеротым, со смешной косичкой, стоящей торчком на лысой макушке. Грета, успев шепнуть, что раса профессора – фрогон, раскланялась с ним и тут же испарилась в только ей известном направлении.

Пучеглазый целитель с улыбкой выставил на отдельный столик кучу пробирочек в штативе и разложил на подноси-

ке странные приборы. Откровенно говоря, некоторые на вид были довольно жуткие – например, один, похожий на кусачки, только маленькие, или другой, словно игрушечный молоточек. Зачем они нужны, Илька не знала, но надеялась, что больно не будет. Какие-то приборчики, наоборот, заворачивали, они мигали и переливались, а еще казались даже красивыми, как та колбочка, где плавали разноцветные шарики, меняющие цвет при столкновении друг с другом.

– Ну-с, молодые люди, – обратился к ним Бяо, – пожалуй, приступим. Начнем с вашего питомца, госпожа Лисовская, поскольку я думаю, что с ним будет попроще. У него ведь не надо определять магическую направленность, только отследить изменения в организме, вызванные влиянием вашего дара, и общую степень опасности для окружающих, как и психическую стабильность, что важно при нахождении на территории академгородка.

Шуршегрем заерзал, зашипел и попятился, уткнувшись попой в запертую дверь. Ему явно все услышанное не понравилось, и он решил не сдаваться без боя.

«Чего это он с меня решил начать? – ругался метаршигл у Ильки в голове, предлагая другой вариант развития событий. – Ты же к целителю рвалась, давай проверяйся и обследуйся первая. А я посмотрю и подумаю, стоит ли доверять пучеглазому. Если что – приду на помощь».

Бяо реакция явно разумного зверька позабавила, и он, пожав плечами, обратился к Ильмаре:

– Вижу, ваш приятель трусоват и недоверчив, давайте тогда начнем с вас, вы же не будете шипеть и пятиться? Я буду говорить, что делаю и зачем, чтобы вам было понятно. Хорошо?

Ильке тоже было немного страшно, но она кивнула, решив, что раз уж пришла сюда, то и нечего идти на попятную.

Грема пророчил ей отрезанные пальцы и волосы, злясь, что его обозвали трусом. На это Илька старалась не обращать внимания и с интересом следила за манипуляциями ловких, чутких желтых пальцев фрогона. Он аккуратно брал кровь, что-то капал из пипеток, водил приборчиками вокруг ее головы, просил дышать в пробирку, прикреплял прищепками на пальцы вспыхивающие огоньками сферы. Все измерения он заносил в специальную толстую тетрадь, качал головой, отчего косичка на макушке колыхалась, как травинка на ветру, и бормотал:

– Это немыслимо! А если проверить Кармин-Островским рассеиванием на реакцию Молинга?.. Не может быть! Это же будет такой прорыв... А вот эти странные вкрапления... Где-то я слышал упоминания про пациентов с подобным во фронтирских секторах.

Девушка и целитель были так увлечены, что не сразу услышали булькающие звуки, а потом сдавленный кашель, на который с недоумением обернулись.

«Иль, я, кажется, ключик проглотил».

Глазки Шуршегрема выпучились почти так же, как у фро-

гона, который с ужасом смотрел на открытый шкафчик и пустую баночку рядом с метаршиглом.

– Зачем?! Зачем он выпил разведенную слизь жабогорбо-го ротоглота?! – растерянно вопрошал он, не веря своим глазам. – Это же для растираний.

«Слизь? Я думал, там водичка», – пискнуло у Ильки в голове, и Грема, потеряв сознание, растянулся на полу.

Глава 6. О пользе одиночества и новых знакомствах

Взволнованную и напуганную Ильку целитель Бяо успокоил быстро, все же работал он по специальности в академии не одно десятилетие и чего только не повидал на своем веку. Одна история с демонским экспериментальным мутагеном чего стоила, хоть и закончилось все очень удачно.

– Не переживайте вы так, девушка. – Фрогон аккуратно переместил метаршигла в сферический отдельный бокс для диагностики. – Вот, смотрите сюда. Видите полосочку? Светится в верхнем секторе – значит, жизни вашего питомца ничего не угрожает. Уж не знаю, зачем он полез по шкафчикам, но ничего опасного я в них не храню. Студенты – такой народ... – изящные пальцы целителя изобразили в воздухе неопределенный жест, – любопытный, вы должны меня понимать. Во время учебы в академии ваши братья, они... м-м-м... были очень предприимчивыми юношами, как, впрочем, и большинство учащихся, и держать что-то небезопасное там, куда может наведаться каждый студент, было бы весьма неразумно с моей стороны.

У Ильмары отлегло от сердца, и фамильное любопытство взяло верх над стеснительностью, поскольку фрогон охотно

рассказывал обо всем и с удовольствием отвечал на вопросы. На мгновение даже мелькнула мысль, что целителем, наверное, быть не так уж и плохо, вон сколько интересного в лаборатории.

А Бяо между тем спокойно поставил питающие кристаллы в магоспектральный анализатор ауры и запустил в сферу с очухивающимся зверьком небольшую дозу снотворного, честно пояснив, что так быстрее проведет обследование и возьмет нужные образцы.

– Видите ли, госпожа Лисовская...

– Илька. То есть Ильмара, не называйте меня «госпожа Лисовская», это не очень удобно, – поправила его девушка.

– Хорошо, Ильмара, но учтите, что после поступления вас будут звать «студентка Лисовская». Это стандартная форма обращения к учащимся, – сообщил ей профессор Бяо. – Так вот, Ильмара, ваш питомец, как вся фронтирская нечисть, обладает определенным количеством магии. Той самой магии фронтирских земель, которая изменяет окружающую среду, расширяя площадь фронта и мест обитания населяющих его существ. Именно поэтому в подобных землях везде расположены гарнизоны, поскольку даже самая безобидная нечисть – это источник возникновения нового фронтирского сектора. Конечно, не сразу, на это надо время.

Шуршегрем сладко сопел в целительской сфере, подергивая задней лапкой, а Илька слушала, как, оказывается, сама того не зная, спасла родную Закустовку от превращения во

фронтир.

– Если бы вы не оказались в той точке, где метаршигла выкинуло порталом, и ваша магия не проснулась бы от испуга, зверек стал бы жить в лесу, постепенно меняя его под себя. Жители находили бы странные места, потом стали бы попадаться измененные звери и птицы, а когда люди сообразили бы доложить куда следует, то вряд ли что-то можно бы было исправить. Ваше поселение превратилось бы в прифронтирье, и рядом расквартировали бы очередной гарнизон.

– А чем я Грему-то замагичила? – Ильке было очень любопытно. – Вы уже смогли определить, какая у меня магия?

– Самое странное, Ильмара, что у тебя крошечный магический потенциал, причем одинаково распределенный на все виды магии. Если бы не твоя встреча с метаршиглом, ты была бы для всех обычной девушкой, поскольку магии уравнивали друг друга и никак не проявились бы. – Бяо аккуратно надел на плечи девушке металлическую конструкцию, на верху которой над Илькиной головой вращалось шесть прозрачных сфер.

– Вот смотри. – Желтый палец фрогона ткнул в сферы. – Как только где-то становится больше цвета, остальные начинают заполняться серым. Такие признаки я видел у магов, зараженных после укусов фронтирской нечисти, но вместо того, чтобы выпить твой резерв, эта штука усиливает оставшуюся без воздействия магию. Сейчас это магия целительства, и ее достаточно, чтобы поступить на первый курс. Но

вот смотри опять, видишь, в той сфере заблестели синие искры? Серое там отступает, и синего становится все больше, зато убывает белое, и серый туман фронтирской магии начинает заполнять вместилище, замещая целительскую.

Озадаченная Илька, задрав голову, пялилась на шарики у себя над головой и хлопала глазами. Она так ничего и не поняла, кроме того, что могла бы вот-вот стать целителем, но не станет, поскольку что-то поменялось. Мать всегда учила ее, что если чего-то не понимаешь, то надо спросить у того, кто разбирается, и Илька, переведя взгляд на фрогона, так и сделала:

– Все это, конечно, интересно, но мне совершенно непонятно. Примут ли меня учиться и какая все-таки у меня магия?

Фрогон снял с нее прибор и прищурился, листая страницы толстой тетради, куда заносил все данные.

– Сложно сказать наверняка. Резерв сам по себе небольшой, но поступить возможно. А вот с выбором факультета будет непросто. Во время распределения может проявиться любая составляющая твоего дара, только как потом учиться? – Бяо нахмурился, задумавшись над необычным открытием. – Может, профессор Рорх что-то тебе посоветует, когда вернется из поездки, после необычной мутации из лича ему доступны все магические практики. Но сразу скажу: будет очень сложно, куда бы тебя ни приняли. Если тебе интересен совет старого фрогона, то обзаведись приятелями на

всех факультетах, это может облегчить учебу и точно сделает ее веселее и интереснее.

Честно говоря, Илька расстроилась.

«Получается, вылезет бытовая магия на распределении или вообще боевая – и меня туда отправят?» – про себя запаниковала она. На этом фоне блокировка дара и родная Закустовка уже не казались ей бесперспективными, да и «прыща» Франека, наверное, как-нибудь можно будет отвадить.

– Скажите, пожалуйста, господин целитель, а если блокировать дар? Ну, не учиться? – поинтересовалась она, обдумывая эту мысль.

– Ты не хочешь учиться? – удивился фрогон. – Это же так интересно! У нас прекрасная академия, очень хорошие условия и лучшие преподаватели, можно сказать – энтузиасты своего дела! К тому же мне жаль расстраивать тебя, девочка, но учиться тебе придется. Боюсь, блокируй мы твой дар – и магия может откатиться к метаршиглу, что очень опасно и непредсказуемо. Мало того что он вернет силу фронтирской нечисти, ему еще достанется и вся твоя сила. Осколки дара всех направлений чистой магии нашего мира. Понимаю, это трудно понять и принять, но необходимо.

Желтый пучеглазый фрогон тяжело вздохнул.

– Мне нужно еще полчаса, чтобы обследовать твоего зверя и сделать заключение о безопасности его пребывания тут в качестве твоего питомца. Хочешь, могу дать почитать «Альманах целителя»? К сожалению, ничего более подходя-

щего у меня нет, а общаться с тобой я временно не смогу: нужно сделать сложные расчеты вероятностей отклонений магометрических линий в общей совокупности наложения аур с полярными функциями...

Увидев, что от множества слов глаза девушки становятся все шире, целитель махнул рукой.

– Или можешь погулять около корпуса. Главное здание видно издалека, не заблудишься. Опасного тут ничего нет, студентов тоже почти нет, да и поступающих мало. Документы в основном магопочтой отправляют, а экзамены, к которым все съедутся, лишь через несколько дней.

Решив, что ей и правда надо обо всем подумать и побыть одной, Илька вежливо поблагодарила добродушного профессора и медленно, нога за ногу, пару раз оглянувшись на похрапывающего уже кверху пузом Грему, вышла из лаборатории.

Летний день был солнечный, а парк академгородка красивый и цветущий. Илька поплелась по дорожке мимо нарядных клумбочек и красивых резных деревянных скамеечек. Все это цветущее природное буйство благоухало, щебетали птички, и на все лады жужжали пестрые насекомые, перелетающие с цветка на цветок. Илке приглянулась крошечная лавочка, спрятавшаяся под раскидистым деревом, и она нырнула в этот уютный зеленый тенистый полумрак в надежде, что наконец-то разберется хотя бы с самой собой.

«Если учиться все равно надо, а ни на один факультет

не хочется, то, наверное, все равно, куда я поступлю? – размышляла она. – И как найти друзей на всех факультетах, если братцы тут натворили такого, что их уже пускать перестали. И кстати, неплохо бы узнать, что они натворили...»

Неожиданно размышления Ильки прервал сердитый мужской голос:

– Тебе что, скамеек мало? Из всех находящихся поблизости надо было выбрать именно эту?

– Что? – Илька подняла голову и с непониманием уставилась на высокого парня с длинной каштановой челкой, падающей на глаза. Незнакомец был явно недоволен ее присутствием, но ведь скамейки в парке ставят для всех.

– Ты что, не поняла? Вон там есть такая же лавка. – Рука в клетчатой темной рубашке ткнула в сторону виднеющегося небольшого фонтанчика, рядом с которым и правда была скамеечка. – И вон там тоже!

Парень махнул в другую сторону.

– Можешь выбрать любую и сидеть сколько влезет!

– Вот сам и выбирай. Мне и тут хорошо! – Ильке совсем не хотелось покидать наиженное место, да и с чего она вдруг должна была уступить лавочку этому невеже, когда кругом действительно полно совершенно пустых скамеек.

– Еще и ты, что за дурацкий день сегодня! – взорвался незнакомец. – Мало мне Пыжика с его поручениями и издевок приехавших пораньше старшекуриц.

Над эмоциональным «старшекуриц» Илька тихонько за-

смеялась в кулачок.

– Что смешного? Это уже год как моя любимая скамейка, и до сих пор на нее никто не претендовал. – Парень, видимо, стал остывать, потому что эти слова звучали уже более миролюбиво, хоть и ворчливым тоном.

– Ты оговорился, – пояснила девушка. – Вместо «старшекурсниц» сказал «старшекуриц», звучало забавно.

Вихрастый ворчун, пожав плечами, помялся, а потом каким-то плавным скольльзящим движением устроился на скамейке рядом с Илькой.

– Ничего я не оговорился, старшекурицы они и есть. Бытовички с третьего курса. Факультет частенько называют золотым курятником, потому что женский и вроде как элитный. Ну и цвета формы – все оттенки желтого и золотого. А ты поступать приехала? Я тебя тут раньше не видел. На какой собираешься?

Илька, до этого разглядывавшая собеседника, чуть замешкалась с ответом. Парень был плечистым, но сухошавым. Судя по тому, как он двигался, в его роду явно были двуипостасные. Светло-карие глаза с желтыми и зелеными крапинками пытливо вглядывались в ее лицо из-под нависшей челки, ожидая ответа, а кончик носа пару раз едва заметно дернулся, словно принюхиваясь.

– Да, поступать приехала, но не знаю пока куда. – Илька испытывала неловкость из-за слишком близко сидящего незнакомца, да еще с такими эмоциональными перепадами

настроения. Не очень хотелось откровенничать с кем попало.

– Знаешь, мне уже идти надо. Извини, что заняла твою лавочку. – Она встала, собираясь уйти. – Меня уже, наверное, Грета ищет.

– Погоди. – Вскочивший парень перегородил ей дорогу и уже откровенно приняхался. – Ты тоже из фронтирских? Девушки с фронта сюда поступают нечасто. Я Дерек, Дерек Вольтецкий из гарнизона третьего сектора, а ты?

«Странный какой-то, – подумала Илька и попятилась, но уперлась попой в куст. – Чего он вокруг меня нюхает и при чем тут фронтир?»

– Я не с фронта, и меня зовут Ильмара Лисовская. Я из Закустовки – и да, сестра тех самых близнецов Лисовских, которых знает вся академия! – стараясь быть невозмутимой и вежливой, заявила она. – Приятно познакомиться, Дерек, но меня действительно ждут и, возможно, даже ищут. Поэтому позволь мне пройти.

– Извини. – Озадаченный парень шагнул в сторону, и Илька, прошмыгнув мимо него, торопливо пошла по дорожке к главному корпусу.

– А почему тогда от тебя фронтиром пахнет? Точнее, не то чтобы запах, а как будто ты там часто бываешь, и фон вокруг как у фронтирских, – крикнул Дерек в удаляющуюся спину заинтересовавшей его девушки.

Илька остановилась и развернулась. Немного подумав,

она пошла обратно к стоящему у лавочки парню и, сдвинув брови, неожиданно ткнула его в грудь тоненьким пальчиком.

– Потому, что мой лучший друг – Шуршегрем! Он фронтирский метаршигл, и если ты или еще кто-то попробуете его обидеть, то горько об этом пожалеете! И еще запомни, что он не розовый! Он малиновый, а сейчас еще немножко зеленый местами. Ясно?

Не ожидавший такого выпада и опешивший от информации Дерек кивнул, и Ильмара, довольная, что новость наверняка разнесется по академии и на Грему не будут нападать студенты из фронтирских гарнизонов, с чувством выполненного долга пошла обратно в лабораторию Бяо.

Дерек Вольтецкий, стоя в тени под деревом, провожал взглядом ее тоненькую фигурку и мечтательно жмурился, как довольный сытый кот.

«Сестра Лисовских, да еще с каким-то странным метаршиглом в качестве питомца... Пожалуй, день начинает налаживаться. Девчонка вряд ли поступит на некромантский, а на других факультетах она точно не найдет поддержки, с такой семейной репутацией и фронтирской нечистью. – Парень сунул руки в карманы плотных парусиновых штанов и, насвистывая, пошел по дорожке вглубь парка, туда, где виднелись крыши факультетских общежитий. – Думаю, будет неплохо продолжить знакомство. Возможно, с ее помощью удастся поставить на место всех, кто до сих пор меня недооценивал и издевался».

Никто еще не подозревал, как это знакомство повлияет на жизнь и учебу Дерёка Вольтецкого, единственного студента-второкурсника на бытовом факультете МАСМ.

Глава 7. О болтовне и разных артефактах

Илька понятия не имела, что уже является частью чьих-то планов. Она шмыгнула в целительский блок и вернулась в лабораторию Бяо как раз вовремя.

Профессор, довольно улыбаясь, убирал в сейф штатив с пробирками.

– О, нагулялась? Понравился парк? – с доброжелательным интересом встретил он Ильку. – Я как раз собирался будить твоего питомца. Знаешь, у него внутри магофон фиксирует странные пульсирующие колебания непонятной этиологии. Не думаю, что это реакция на проглоченную слизь, но надо понять, что он чувствует. Есть какие-нибудь предположения?

Предположения у Ильки были. Она подозревала, что обнаруженное целителем Бяо вызвано странным, привлекавшим внимание Шуршегрема ключиком, который кто-то припрятал в кабинете декана природников, но говорить о своей догадке не спешила.

– Я могу узнать у Гремы, когда вы его разбудите, – предложила она.

– Ах да! Я совсем забыл, что вы как-то общаетесь! – Фро-

гон расцвел улыбкой. Усевшись за стол, он перелистнул исписанную страницу в толстом блокноте, потыкал в засветившуюся сферу на столе серебристым кольцом с белым искристым камушком и взял ручку. – Ощущения, описанные пациентом, скажут обо всем гораздо лучше любых предположений! Через пару минут твой метаршигл уже сможет все рассказать.

Бяо явно недооценил Шуршегрема. Стоило зверю открыть глаза, как голова Ильки взорвалась от визга, а в стенку лечебной сферы грохнул подпрыгнувший разъяренный живой колючий шар. Причем Грема скрипуче верещал не только в голове девушки, его боевые вопли разнеслись по всей лаборатории, а иглы, щедро отстреливаемые взмахами хвоста, уже усеяли весь пол его небольшого изолятора.

– Да успокойся ты! – постаралась крикнуть Илька в момент между визгами.

Шуршегрем сфокусировал взгляд на хозяйке, стоящей у сферы, свел глазки в кучку и плюхнулся на попу, пытаясь отдышаться после яростной попытки выбраться из плена.

«Сейчас профессор тебя выпустит. Ты напился какой-то гадости, проглотил ключ и потерял сознание. Зато все необходимые анализы уже собрали, и мы пойдем к артефакторам узнавать про ретранслятор речи. Только целитель Бяо хочет уточнить один момент, который касается того самого ключа», – мысленно поспешила рассказать питомцу Ильмара.

Мордочка метаршигла обиженно надулась, а колючки над

глазками собрались домиком, создавая забавную хмурую гримаску.

«Ты все разболтала этому желтому пучеглазу? Ключ не отдам! Так и знай. Он мой. Я его нашел».

«Грема, он того, кто его спрятал», – укорила вороватого жадину Илька.

«Вот когда придет тот, кто спрятал, тогда и подумаю, отдать или нет. Прятал точно не этот тип с косичкой».

Логика колючего прохиндея была непрошибаемой.

«Целитель Бяо беспокоится, что эта штука у тебя внутри вызывает какие-то помехи, я не совсем поняла. Это, наверное, вредно, и его все равно надо из тебя достать».

Ильмара знала Шуршегрема как облупленного и прекрасно помнила, как он ценит свое здоровье и благополучие.

«Ладно, ладно, – пробухтел метаршигл у нее в голове, вставая на лапы. – Скажи про ключ. Но скажи, что он мой! Что он давно мой и я его не отдам! И чтоб вытаскивал не больно. Как он его хочет вынимать?»

Темно-рубиновые глазки-пуговицы с подозрением оглядели фрогона, ожидающего от Ильки информацию о состоянии зверька, которую он бы смог занести в лабораторный журнал.

Илька вздохнула. С одной стороны, врать доброму целителю не хотелось совершенно, с другой стороны, тогда надо было начать признаваться еще в кабинете Виолетты Дифинбахиевны. В конце концов, если и правда найдется владелец ключа, они его сразу отдадут, что бы там Шуршегрем себе

ни навоображал.

– Грема, оказывается, проглотил свой ключик, – начала она рассказывать фрогону, – деревянный такой. Он к этому ключику очень привязан и везде с собой носит. Просто веревочка оборвалась, и Грема сунул его за щеку и забыл, вот и проглотил нечаянно.

– Ключик? – Выпученные глаза целителя стали еще более круглыми. – Как интересно. Не знал, что фронтирские метаршиглы любят носить с собой какие-то предметы. Возможно, это как-то связано с вашим влиянием?..

«Вот! – Пакостный колючий гад в голове Ильки захихикал. – Сразу видно, что профессор! Это ты во всем виновата! Твое тлетворное влияние на мою метаршигловскую сущность. Выпускайте меня уже и доставайте ключ, я к артефакторам хочу. И еще мне веревочка нужна и тряпочка, чтобы завернуть мою прелесть и повесить на шею».

«Вот ты!.. – У Ильки даже слов не нашлось, чтобы высказать Шуршегрему все, что она думает о его наглости, и она отвернулась от сферы с питомцем, шутливо мстительно добавив: – Надеюсь, ключ он будет вытаскивать, запихнув в тебя какую-нибудь мерзкую штуковину».

Профессор сосредоточенно писал, тоненькая косичка-«антенка» на его голове подрагивала. Наконец он поднял голову и посмотрел на терпеливо ждущую девушку.

– Судя по всему, твоему питомцу крайне нежелательно... м-м-м... хранить ключ в своем желудке. Конечно, тот со вре-

менем вышел бы сам вполне естественным образом, но я бы рекомендовал все же извлечь его раньше. – Целитель почему-то немного замялся, но потом, словно решившись, продолжил: – Знаешь, стандартные рвотные препараты не особо приятны, а вот другой способ...

«Есть другой способ? – Грема наострил уши. – Я хочу другой! Надеюсь, он лучше, но что-то мне подсказывает – там есть подвох. Недаром пучеглазый мнетя и недоговаривает!»

А фрогон вытащил из ящика стола прозрачную коробочку с яркими шариками-капсулками и продемонстрировал Ильке.

– Видишь, они разные. – Он покрутил в пальцах белый шарик размером с орех. – Вот этот должен проглотить твой питомец. А вот этот... – шарик был уже синего цвета и выглядел как крупная слива, его стенки под пальцами целителя проминались, – этот я положу в миску. Когда он засветится, это будет означать, что белая сфера микропортала попала в желудок...

«Микропортала?! – от вопля Шуршегрема у Ильки заболела голова. – Этот чокнутый врачеватель спятил! Портал у меня в животе? Он нормальный? Смерти моей хотите?!»

Целитель, не зная, что в голове у Ильки буквально воет сирена напуганного метаршигла, продолжал пояснять:

– Содержимое желудка зверька затянет в портал, а оболочка капсулы разбухнет и превратится в безвредную жидкость,

чтобы заполнить желудок во избежание травм. Это экспериментальная артефакторская разработка, основанная на фейской магии. Ее под наблюдением консилиума профессоров академии проверял на себе лично профессор Рорх. Он единственный, кто, если бы что-то пошло не так, смог бы перейти в боевую форму лича, которая у него сохранилась в спящем состоянии на случай несовместимых с жизнью обстоятельств.

Честно говоря, визги Гремы и предложение целителя провести над ним эксперимент Ильке совершенно не нравились. Все, чего девушка хотела, это вытащить из желудка метаршигла ключ, навестить артефакторов и вернуться в таверну Сары Шнырь. Время близилось к вечеру, и свалившиеся на нее впечатления после тихой Закустовки Ильку порядком утомили.

– Знаете, профессор, у Гремы все же нет никакой второй формы на всякий случай. Мне кажется, лучше все-таки обычное рвотное.

Шуршегрем странно булькнул и замолчал. Фрогон философски пожал плечами и достал пакетик с бледно-лимонным порошком. Налил в мисочку воды, всыпал туда ложку лекарства и поставил рядом со сферой, где сидел надутый, растопыривший колючки метаршигл.

– Ну что ж, дружочек, давай тогда пей и топай вон туда за шторку, сейчас я там включу водичку, она смоет все лишнее. – Бяо пошел в угол кабинета и, отдернув висевшую там

плотную белую ткань, включил краник, торчащий из стены. Под ним вместо обычной раковины находилась металлическая сетка на каркасе, и такая же сетка закрывала небольшое отверстие в полу.

«Даже думать не хочу, что он тут делает, в этом углу. – Сфера вокруг Гремы исчезла, и он плюхнулся на упитанный зад около миски с желтоватой жидкостью. – Надеюсь, эта жижа – то, что он сказал, а не какая-нибудь экспериментальная микстура».

Нос зверька с подозрением обнюхал предложенное лекарство.

«Похоже на чуть прокисший компотик, – фыркнул он и начал лакать, пока не выпил все до капли. – Даже освежает, и я ничего не чувствую. В чем подвох?»

Спросить Ильяка не успела. Целитель Бяо, убедившись, что миска пуста, щелкнул пальцами и вывел над колючей спиной Шуршегрема какой-то знак, вспыхнувший белым и впитавшийся в метаршигла.

Тот ойкнул и бегом метнулся за уже задернутую занавеску, где текла вода. Вокруг головы девушки и фрогона перламутром блеснули сферы-заглушки, правда, Ильмаре это не сильно помогло. Грему и его позывы она ощущала как свои и порадовалась, что обед давно остался лишь в воспоминаниях, а еще что заглушка не пропускает запахов.

Бяо опять что-то магичил, понурый и мокрый Шуршегрем вышел из-за шторы на трех лапах, держа в четвертой

мокрым и блестящим лаком деревянный ключик. Настрое-
ние у него было прескверное, он был всем крайне недоволен,
но высказать претензии мог только Ильке, что и сделал.

«Ты мне веревочку обещала и завернуть во что-то! –
ткнув в сторону хозяйки резной деревяшкой, пробухтел он. –
И к артефакторам, и есть я хочу!»

Несмотря на все перипетии, аппетит он не потерял, и Иль-
мара тоже не отказалась бы перекусить. Поэтому, вежливо
поблагодарив фрогона за все и выпросив у него салфетку и
веревочку от упаковки большой коробки с неизвестным со-
держимым, она соорудила Греме узелок и подвесила ему на
шею.

Лаборатория артефакторов находилась на первом этаже
главного здания. Целитель объяснил Ильке, как ее найти, и
обещал сообщить куда-то запропастившейся Грете, что они
там.

«И куда подевалась эта рыжая гномка? – Шуршегрем то-
пал по коридору, принюхиваясь. – Вот чувствую, что тут где-
то есть еда!»

Легкий аромат чего-то аппетитного чувствовала и Иль-
ка. Из путеводителя, который она успела посмотреть только
мельком, девушка помнила, что столовая с буфетом тоже на-
ходится где-то на первом этаже.

– Давай сначала найдем артефакторов, ты же сам рвал-
ся туда. Хотел ретранслятор речи. Потом Грета нас найдет,
и ужинать пойдем в таверну Сары Шнырь. Там ведь очень

вкусно, и мы еще не видели нашу комнату, – попеняла она обжоре. – Вот, кажется, нам сюда.

Светло-голубая дверь была приоткрыта, и метаршигл сразу сунул нос в эту заманчивую щель, а Илька постучала.

Они не видели, что у них за спиной, прислонясь к другой двери, стоял и наблюдал за ними Дерек Вольтецкий, слышавший, как Илька разговаривала с метаршиглом.

«Надо думать, что раз сюда поступает, то поселится, скорее всего, в таверне жены нашего Саврасыча, – усмехнулся парень про себя, разглядывая фронтирскую нечисть рядом с девушкой. – А метаршигл у нее странный, зелено-малиновый и с моноклем. Еще и на шее какая-то непонятная штукавина. Ретранслятор речи хотят...»

Дерек подождал, пока парочка в ответ на «войдите» скроется за дверью лаборатории артефакторов, и зашел туда, куда и направлялся, в столовую, наполнив на мгновение коридор потрясающими запахами свежеприготовленной еды.

«Надо будет утром забежать в таверну на завтрак и подкараулить эту парочку, а там посмотрим», – решил он, делая заказ.

А ничего не подозревающие Илька и Грета в это время договаривались с деканом артефакторского факультета профессором Энтони О'Валинтером. Точнее, стоило им только начать свой рассказ о Грете, Виолетте Дифинбахиевне и целителе Бяо, как белобрысый вампир отмахнулся. Заявил, что ему уже все передали и что бумагу от Лэри, подписанную

ректором, о временной выдаче артефакта он тоже получил. Затем О'Валинтер вытащил из кармана блестящую подвеску.

– Э-э-э, а что у вашего зверя на шее? – Держа в пальцах покачивающийся на цепочке ретранслятор, вампир, приподняв брови домиком, с интересом разглядывал узелок под подбородком Гремы. – Это надо снять!

Артефактор надел на нос огромные очки, похожие на две перевернутые сетчатые миски, и, прищурившись, склонился над метаршиглом.

– Фонит природной магией. Точно надо снять, если хотите пользоваться ретранслятором, иначе будет спектроволновой конфликт с искажениями артикуляционных функций произношения. В лучшем случае будет шепелявить или заикаться, а в худшем... Впрочем, неважно. Снимайте вашу штуковину.

Илька видела, да и слышала в собственной голове, как в Греме всколыхнулся внутренний конфликт.

Колючий хотел общаться, причем без всяких там дефектов. Но и свою находку он отдавать никому не хотел.

«Ладно, снимай! – покосившись на хозяйку, решился он. – Только не потеряй и обещай отдать, как только попрошу! Поклянись».

Илька искренне не понимала, почему Грема так трясется над этой симпатичной, но всего лишь деревяшкой в форме ключа, и легко пообещала. После того как она сняла с Шуршегрема тряпичный узелок и под внимательным взглядом

питомца спрятала его в кармашек платья, профессор О'Валинтер надел на метаршигла медальон.

– Мужик, там у тебя блестящая муха книжку листает. – Хриплый тенорок Шуршегрема неожиданно громко и четко прозвучал на весь кабинет.

– Любопытненько, – клыкасто улыбнулся вампир, бросил взгляд через плечо на рабочий стол и кивнул миниатюрной фейке. Та помахала ему рукой и продолжила свои изыскания в записях. – На нечисти фронта я еще ретранслятор не испытывал. И извинись, голубчик, перед дамой! Это моя лаборантка, цветочная фея Мальва. Просто, увидев, что у меня посетители, она не стала принимать другой облик, чтобы не отвлекать от работы. Однако это не повод вести себя похамски, сравнивая ее с насекомым.

– Извините, – недовольно буркнул Грема, оценив размер клыков, сверкнувших во рту улыбающегося артефактора.

– О! – Ильмара же с восхищением смотрела на фейку. – А я, когда маленькая была, тоже фей видела, только других. Они у нас гостили. Эм и Ниле. Я Ильмара, Ильмара Лисовская.

Стоило прозвучать фамилии, как улыбающееся личико Мальвы посуровело. Взлетев, женщина в мгновение ока стала размером с профессора.

– Лисовская? А в академии, случайно, нет твоих братьев-близнецов? Очень мне хотелось бы узнать, куда они дели...

Фея осеклась на полуслове, а Ильяка поспешила заверить, что она тут с Гретой.

– А Ален и Люк где-то в городе, занимаются делами, – испуганно пискнула она сердитой лаборантке.

– Вот, значит, как? Энтони, я в город! – Фейка опять уменьшилась и стрелой вылетела в открытое окно.

– Капец охламонам, если отыщет, – фыркнул ей вслед метаршигл.

Глава 8. О том, может ли третий быть лишним

Грета нашла нашу уставшую парочку уныло сидящей на ступенях главного здания. Устроились именно тут они потому, что не знали, куда идти. Боялись, что в парке гномка их не отыщет, а оставаться в кабинете артефактора или возвращаться в лабораторию Бяо Грема наотрез отказался.

К целителю он не хотел в связи с не очень приятными воспоминаниями, а артефактора откровенно побаивался, видя его нешуточный интерес к метаршигловским иглам, таинственному, убранному Ильмарой сверточку с фоном природной магии и расцветке самого Шуршегрема.

Грема был уверен, что это не к добру и улыбочивый клыкастый дядечка только и ждет, чтобы нацепить на него кучу приборчиков и сделать подопытным зверьком для своих артефакторских нужд.

Илька с бубнящим питомцем спорить не стала. Бухтел Шуршегрем теперь вслух и гораздо тише, а на крыльце и вообще мог говорить только о еде.

Грета, надо сказать, извинилась за столь долгую отлучку, пообещала им роскошный ужин и даже поход по магазинам.

— К поступлению сделаю тебе подарок. Ну и этому ворчу-

ну тоже. Пойдемте быстрее, – поторопила она подопечных, возвращаясь в холл академии к выходу стационарного портала, – у меня еще в городе куча дел. А вам не помешает отдохнуть и хорошо выспаться.

Сам ужин по возвращении в таверну Илька помнила уже смутно. Она уже за столом начала клевать носом под причмокивание и одобрительные замечания Гремы обо всех блюдах, что ему удалось попробовать.

Зато утро в комнате таверны рождало в ней неизведанное ощущение чего-то необыкновенного, приключившегося в ее жизни.

Впервые она проснулась не в собственной постели в родной Закустовке, а в совершенно незнакомом месте.

Сев на кровати и пошевелив пальчиками ног по деревянным медово-бежевым гладким половицам, уже нагретым солнечными лучиками, она оглядела свое временное пристанище.

Комната была небольшая, но довольно уютная. Помимо кровати, на которой Илька сидела, с пышно взбитыми подушками и пуховым одеялом в голубеньком, вышитом синими цветочками пододеяльнике, в комнате имелся комод с зеркалом, узкий платяной шкаф, крошечный столик на высокой ножке в компании двух стульев и кресло у окна. А еще в этом номере явно были персональные «удобства», поскольку из-за одной из двух дверей слышался плеск воды и фальшивое пение Шуршегрема.

«Он еще и поет? – удивилась Ильяка. – Раньше я за ним не замечала».

Метаршигл, конечно, не то чтобы пел, скорее урчал, периодически выдавая что-то вроде: «И нет меня красивее, и нет меня умнее. Я самый колючий... ур-р, ур-р-р, ур-р-р».

«Интересно, как он моется с артефактом?»

Сдернув со стула платье, разложенное, видимо, Гретой с вечера, Ильяка оделась и крадучись, на цыпочках, пошла к двери в ванную.

Дверь распахнулась, чуть не заехав ей по лбу, а Грема язвительно заявил:

– Подсматривать нехорошо! Ты забыла, что я тебя слышу? Артефакт пленочкой покрывается. Умывайся уже и пошли завтракать! Я есть хочу.

– Но если ты слышишь мои мысли до сих пор, то почему пел? – Ильяка была уверена, что он должен был застесняться.

– А чего мне стесняться? – ответил и на вопрос, и на мысленное недоумение девушки Шуршегрем. – Пою я прекрасно, красавец хоть куда, и кто-то же должен приобщать тебя к прекрасному! Давай уже, поторапливайся!

– А чего это ты раскомандовался? – Бодро-жизнерадостный колючий нахал ничуть не подпортил Ильяке хорошее настроение своими замашками, но она все равно не преминула шутиливо поставить его на место. – В конце концов, без меня тебя никто кормить не станет, а торопиться я не собираюсь. Сиди и жди.

Метаршигл насупился, провожая взглядом хозяйку, плотно закрывающую дверь в ванную комнату, но потом огляделся и повеселел.

В углу у шкафа лежал сваленный непутевыми близнецами Илькин багаж, а там, как он прекрасно помнил, где-то должна была быть корзиночка с продуктами, что приготовила дочке заботливая маменька.

Воспитательная мера Ильки опять провалилась: когда она вышла из ванной, приведя себя в порядок, колючий паразит восседал на чемодане, тщательно обгладывая последнюю косточку птичьего скелетика, бывшего еще недавно румяной запеченной тушкой.

– Ого! Быстро ты. Я еще даже до пирогов не добрался, – небрежно заметил пойманный с поличным прохиндей. – Ждать тоже надо с пользой для себя и окружающих!

– Ну, пользу для тебя я вижу воочию, а какая от твоего обжорства польза окружающим? – Особо на Грему Илька не сердилась, надеясь, что теперь не придется сильно тратить на питание, раз он перекусил.

– И это тоже, – уловил ее отношение зверек. – А еще я не скребся под дверью и не ныл на всю таверну, что ты моришь меня голодом, поскольку, собственно, ел! Вот. И кстати, на тебе другое платье!

Мордочка зверька приняла крайне озабоченное выражение.

– А где вчерашнее? Где мой ключик? Ты его потеряла? –

Шуршегрем, сунув косточку в бумажный пакет с прочими остатками птички, шустро соскочил с чемодана и забегал по номеру. – Я только нашел мой замечательный ключик, который наверняка ведет к сокровищам, а ты его куда-то дела! А если Грета его нашла и забрала? Ильмартендилия! Как ты могла быть такой безответственной!

– Не смей называть меня так! – не осталась в долгу Илька, услышав ненавистное полное имечко. – И ключ вовсе не твой! У него наверняка есть настоящий хозяин, и лучше отдать его Лэри или ректору, чтобы владельца нашли. Может, кто-то его уже ищет!

– Не ищет! Он его зарыл и спрятал. Знает, где спрятал, чего искать-то? Я нашел – значит, мой! Глупая девчонка! Вот найдем сокровища, разбогатеем, еще спасибо скажешь!

Децибелы ссоры нарастали. Эта парочка давно привыкла выяснять отношения криками, но они не учли, что на сей раз делали это вслух. И сама Илька, и Шуршегрем забыли, что на метаршигле ретранслятор, а еще что они не дома, а в таверне и их может услышать кто-то посторонний.

И этот кто-то, как потом оказалось, их прекрасно слышал!

Пришедший с утра в таверну Дерек Вольтецкий, не увидев интересующей его парочки, шмыгнул в сторону лестницы на второй этаж. Полагаясь на свой нюх, он надеялся раз узнать, где поселили девушку в компании с нечистью, но, к его удивлению, этого не понадобилось. Чуткие уши двуипостасного моментально среагировали на громкие звуки, до-

носящиеся из одного номера. Голос Ильмары Лисовской он узнал сразу, зато визгливый мужской тенорок был парню незнаком. Парочка спорила о ключе к сокровищам, и незнакомец, по мнению Дерекса, был весьма агрессивен.

«Неужели эта деревенщина, не успев приехать, связалась с какими-то бандитами? – удивился он. – Хотя с репутацией ее братьев могла и влипнуть. Надо выручать дурочку. Может, благодарна будет».

Вольтецкий подошел к двери, из-за которой доносились голоса, и решительно постучал.

– Ильмара Лисовская? Вам письмо из академии. – Парень надеялся, что, кто бы ни был рядом с девушкой, от такого он насторожиться не должен. Ведь наверняка знает, что девчонка поступать приехала. Да и в скандале мелькало упоминание ректора и Лэри.

Вопли замолкли, и дверь распахнулась, явив ему раскрасневшуюся от спора, слегка встрепанную Ильку.

Она не ожидала увидеть вчерашнего парня из академического парка и опешила, чем, собственно, Дерек и воспользовался: легонько ее оттолкнул и просочился в комнату, держа в кулаке артефакт магической паутины фронтирских ловцов на нечисть.

Мельком скользнув глазами по небольшому помещению, даже не задержавшись на Шуршегреме, он под ошарашенным от такой беспардонности взглядом Ильмары сунулся в ванную.

– А не обнаглел ли ты, парень? – Мужской голос за спиной, уже слышанный им до этого за дверью, заставил Дерека резко развернуться и активировать артефакт.

В магической сети-паутинке, истошно вереща и ругая Вольтецкого словами, от которых у Ильки, как дрова в печи, вспыхнули уши, бился малиново-зеленый метаршигл.

А сама Ильмара бросилась к парню, требуя не трогать ее питомца.

– Да сейчас, дезактивирую! Не ори! – рыкнул на нее Дерек. – И ты не вопи. Сейчас все сбегутся на ваши вопли. Вы и так про ключ орали на весь коридор.

Его слова про ключ оказались как ушат холодной воды на голову. Грема подавился очередной цветистой фразой, которую подслушал у покидающих закустовский трактир дядьки Рысека посетителей, перебравших спиртного, а Илька, пытаясь вспомнить, что они там с Шуршегремом друг другу наговорили, отшатнулась от Дерека, выпустив из рук рукав рубахи, в который вцепилась до этого.

Артефакт парень дезактивировал, проверил, закрыта ли входная дверь, покопавшись в пространственнике, вытащил и прикрепил к дверной ручке финтифлюшку из матового потертого металла с крючочком и россыпью мелких золотистых кристалликов.

– Это блокирует звук из комнаты, – пояснил он застывшей в немом изумлении парочке, разглядывающей его. – Судя по всему, проблемы вы себе ищите сами, не дожидаясь, пока

они вас найдут, поэтому предлагаю взять меня в вашу компанию третьим. Вреда от меня будет немного, а вот польза может оказаться ощутимой.

– Польза? – скептически фыркнул недовольный Шуршегрем. – Какая от тебя может быть польза? Вот во вред верю. Все иголки помял своей гадкой ловушкой, до сих пор хвост чешется!

– Вреда? – заинтересовалась Илька, не совсем понимая, о чем рассуждают эти двое. – Если есть польза, то как может быть тут же вред?

Дерек прошел к единственному креслу и, спросив разрешения, расположился в нем, вытянув длинные ноги в плотных штанах, прошитых кожаными полосками и отделанных металлическими заклепками.

– Например, я могу угостить вас завтраком за свой счет, – начал он, – и это польза, для желудка и финансов, а вред в том, что просто так никто и никого обычно завтраками не кормит. Если нас увидит кто-то из академии, а это, скорее всего, произойдет, то меня запишут как минимум в ваши приятели, а то и вообще в ухажеры. И вот тут, несомненно, вред. Поскольку может пострадать ваша репутация – я не самый популярный парень в нашем учебном заведении, скорее чудик. В общем, любое действие обязательно принесет как вред, так и пользу, но, примерно все прикинув, я думаю, пользы вам от меня будет больше.

Илька, забравшись с ногами на кровать, задумчиво кру-

тила русую прядку у виска, пытаюсь понять, насколько ухажер в лице Дереха Вольтецкого может испортить репутацию сильнее, чем близкое родство с Аленом и Люком Лисовскими, а Шуршегрем хмуро и с подозрением поинтересовался:

– Ну, нам, допустим, будет польза. Расскажешь какая по-подробнее, и мы подумаем, настолько ли она велика, чтобы с тобой связываться. Но меня лично больше интересует: какая выгода тебе от нас?

Колючий махинатор в таких делах кое-что смыслил и понимал, что никто не станет предлагать ничего стоящего, если не намерен что-то из этого извлечь для себя.

– Мне? – Парень в кресле весело улыбнулся и потянулся, как кошка, демонстрируя гибкость своей второй сущности. – Ну, учитывая принадлежность к Лисовским, я думаю, вы можете мне немного подпортить жизнь некоторым неприятным личностям. К тому же быть постоянно одному мне надоело. Есть своя прелесть в одиночестве, но иногда хочется, чтобы кто-то поддержал.

– А зачем нам из-за тебя обзаводиться врагами? – Илья удивленно вскинула брови. – Мы-то ни с кем не ссорились. Наверное, ты потому и один, что вредничаешь, как мои братья. Может, лучше помириться с теми самыми личностями?

На такое предложение Дерек сначала вытаращил глаза, а потом звонко расхохотался.

– Из какого леса ты вылезла, такая наивная? Тебя точно наши курицы заклюют, если на бытовой попадешь. Да и на

других факультетах полно воображал. А с парнями тоже все непросто. Либо такие, кому ты неинтересна, либо бабники, которым любая сойдет ненадолго, либо такие, что тебе за них глаза выцарапают и волосы повыдергивают.

Фыркающий Грема, которому этот мутный тип совсем не нравился, несмотря на обещание завтрака, с подозрением прищурился.

– А сам-то ты бабник или за тебя глаза прибегут выцарапывать? На парня, которому все равно, не тянешь, потому что приперся и в приятели набиваешься! – заявил он, нервно приносясь носом-кнопочкой и постукивая хвостом с шуршащими иголками по деревянному полу комнаты.

– А сам я для всех никто. – Дерек ссутулился, вспоминая первый год учебы. – Для парней – «цыпленок» с бабского факультета поварих-подметалок, для этих самых желтых куриц – плебей с фронта, который попал в их элитный женский клуб невест и теперь, по их мнению, должен быть для них чуть ли не лакеем, для преподавателей – странный феномен. Только комендант Пыжик нормально ко мне относился, но он уставник и педант до мозга костей, а хочется иногда выйти за рамки и хотя бы мышью дохлую подложить кому-то в комнату. Но не выйдет, сразу поймут, что я.

– Может, ты преувеличиваешь? – Ильке как-то не верилось, что вот так можно невзлюбить кого-то потому, что он с фронта или у него необычный дар. – Может, ты первый начал? Ну, мышей и все остальное?

Из-под каштановой челки на нее в упор глянули светло-карие глаза с чуть засветившимися зеленоватыми крапинками.

– Доказывать тебе я ничего не буду. Скоро ты сама все прочувствуешь на себе. – Вольтецкий печально усмехнулся. – Тогда и обсудим мой маленький план мести, который, думаю, быстро станет и твоим тоже.

– Ну вот когда такое случится, тогда и поговорим. Сидит тут, агитирует непонятно на что! – Грема, круто развернувшись, потопал к двери. – Обещал завтрак – выполняй обещание, если не пустозвон! А то пока только «бла-бла-бла». Тоже мне, кавалер нашелся, кормит даму болтовней.

– Грема! – Ильке было жутко неловко за питомца, хотя в чем-то тот был прав. Парень действительно был не без странностей.

– Да я и не отказываюсь. – Дерек стремительно встал и галантно подал руку смутившейся девушке. – Пойдемте, угощу по-дружески. Мы ведь все равно подружимся?

Парень подмигнул метаршиглу.

– Посмотрим еще, – вздернул нос колючий обжора. – И учти: я за тобой слежу!

Глава 9. О надеждах, страхах и первых врагах

За пару дней, оставшихся до экзаменов Ильки, Дерек показал себя неплохим приятелем. Впрочем, сравнивать девушке было особенно не с кем, но парень не пытался сильно навязываться, а еще постарался просветить ее, с чем она может столкнуться на первом курсе. Он даже провел с ней и Гремой экскурсию по Грослинделу, показав интересные места, лавочки с приемлемыми ценами, гномий банк и точки всех стационарных телепортов на всякий случай.

Несмотря на все это, включая вкусный завтрак за счет Дерекка в то самое утро, Шуршегрем относился к Вольтецкому с предвзятостью и подозрением.

– Ильмарка, ты дуручка, – уже второй вечер ворчал он на нее перед сном. – Все это не просто так! С чего бы прилично-му второкурснику из семьи заслуженных военных таскаться за только приехавшей деревенской девчонкой с непонятным даром и сомнительной родней? Может, ты и не поступишь вообще!

Бум. Ботинок, кинутый в иглистого обзывалу, в цель не попал, а метаршигл, спрятавшись за креслом, продолжал ехидно рассказывать, в чем хозяйка не права и что ее ждет

в академии, если она будет продолжать верить такому типу, как Вольтецкий.

– Вот с чего он, по-твоему, около тебя крутится? Ни красоты, ни приличного приданого.

Бум. Второй ботинок почти достиг цели, но наглая колючая морда успела нырнуть за обитую тканью спинку мягкой мебели.

– И нечего обувью разбрасываться, – проворчал Грема, уже не рискуя высунуться, поскольку Илька, сидя на кровати, потянулась к симбиозу кочерги и ухвата, которые в запале сборов она умудрилась втугую связать лентами, а братец прихватил из ее комнаты непонятно зачем вместе со всеми вещами.

Ленты были красивые, а развязать их с печной утвари пока не получилось, вот и поставила рядом с кроватью за занавесочку, мало ли что.

– Грема, ты невыносим. – Не желая спорить с колючей занозой, Илька откинулась на подушки и все-таки попыталась обосновать свое мнение в отношении парня. – Дерек же объяснял, что ему на первом курсе в академии пришлось сложно из-за того, что он единственный мужчина-бытовик. А мне может быть сложно из-за того, что Люк и Ален тут учились. Целитель Бяо же говорил, что надо заводить друзей на разных факультетах, вот на бытовом у меня знакомый уже есть. И вообще, давай спать. Завтра экзамены, и я увижу других поступающих. Сразу станет понятно, преувеличивал Дерек

или все действительно не очень хорошо.

Метаршигл под креслом повозился на коврике, устраиваясь поудобнее.

– Что бы там ни вышло, этот парень все равно подозрительный, – проворчал он. – Не стоит доверять кому попало.

– А кто тогда не кто попало? – зевнув, спросила Илька, понимая, что Шуршегрема не переспоришь.

– Я не кто попало! – фыркнул на ее недогадливость Грема. – Спи давай! А то и правда не поступишь.

А утро началось с буханья в дверь.

Услышав знакомые голоса, сонная Илька натянула платье прямо на ночную сорочку и потопала открывать. В ее комнату сразу ворвался вихрь в виде двух братьев-близнецов и рыжей Греты, а в дверях монументом застыл здоровенный лысый улыбающийся тролль. Вообще, у мужчин троллей есть на макушке редкие волосы, но этот в свое время поругался с фейками, и его волосы, ожив, удрали с головы, оставив парня на всю жизнь абсолютно лысым.

– Винни! – Вот кому-кому, а здоровяку троллю Илька была очень рада. – А ты тут как оказался?

Тролль был старым приятелем братьев еще со времен их учебы и несколько раз приезжал погостить. Высоченный, серокожий, широкоплечий, с объемистым пузом, этот любитель хорошо поесть отличался на редкость философско-прагматичным складом ума и достаточно спокойным нравом, если его не трогать. Еще у Винни было весьма ори-

гинальное чувство юмора. Грета как-то рассказала, как он за ней ухаживал в академии, и Ильмара аж рыдала от хохота.

– Не поверишь, мелкая, я тоже иду сдавать экзамен, – блеснув в улыбке крупными зубами, прогрохотал басом великан, протянув руку и ухватив подкрадывающегося к стоящей у его ног сумке Шуршегрема. – Меня Рорх с бабулей уговорили. Сказали, что шаманские ритуалы с некромантией, основанные на определенных сочетаниях растений, погодных условий и танца, очень перспективная тема. Так что и за тобой присмотрю. Если что, сразу ко мне приходи, я разберусь!

Его посуровевшее лицо и насупленные брови сразу давали понять, что с Винни шутки плохи, а полупридушенный в мощных объятиях Грема, подергивая лапками, прошипел на это:

– Вот видишь! Никакой Вольтецкий нам теперь не пригодится! Сами справимся.

Компания из родственников и их большого приятеля сразу сделала охотничью стойку.

– Вольтецкий – это, случайно, не тот парень, что поступил в прошлом году на бытовой? – задумчиво протянула Грета, сложив руки на груди и с подозрением поглядывая на Ильку. – И когда это ты успела с ним познакомиться?

– Мелкая, а ты уверена, что тебе нужен парень, когда ты еще даже не поступила? Может, хоть поучишься немного? И Люк вон рассказывал, что у тебя там жених вроде был ка-

кой-то... – почесал лысую макушку Винни.

Шуршегрем, которого тролль выпустил из рук, спрятался за пышным подолом нарядного платья гномки и визгливо начал ябедничать, привирая, что наглый парень везде за Илькой таскается и просто прохода не дает.

– В городе за нами ходил как привязанный и не замолкал ни на минуту! – одним глазком следя за реакцией окружающих из-за салатовых кружевных оборок, бубнил он. – «Вон там лавка с канцелярией, там самые лучшие пироги, а вот тут магазин для дам с косметикой и прочими штучками», – передразнивая голос Дерека, рассказывал он. – Вот какой нормальный парень знает про магазины с дамским барахлом?

– Например, бытовик! – вступилась за приятеля Илька. – И он нам предложил город показать. Ты же первый согласился. Зато теперь мы знаем, где что купить. И кстати, – перевела она разговор, злясь, что братцы наболтали другу про «прыща» Франека, – а чем вы так фее насолили, что она, когда мы были у артефакторов, сердитой осой вылетела из окна на ваши поиски?

– Ален? Чего я еще про ваши с Люком новые махинации не знаю? Зачем вас искала госпожа Мальва? – тут же забыв про Вольтецкого, подскочила к мужу Грета. – Надеюсь, хоть ты, Винни, в этом не участвовал?

Троль замотал головой, а братцы, приняв беззаботный вид, отмахнулись от рассерженной рыжей природницы.

– Да просто вовремя не написали пару отчетиков. Ну, там,

брали артефакты для проверки... – туманно заверили они, переминаясь с ноги на ногу и косясь на дверь, – но со всем уже разобрались и все написали. Вот как раз надо бы отдать, да и Винни здесь. Нам же нельзя в МАСМ без веской причины, а так вот и пропуска есть временные, и в сопровождении будущего аспиранта.

Шустрые и юркие близнецы, махнув перед носом гномки какими-то жетончиками, ринулись к двери, дернув за собой затупившего приятеля. Винни подхватил мешок и кивнул Грете:

– Я это... присмотрю. Увидимся. – И тролль потопал за удравшими пронырами.

Гномка недовольно посопела, пообещав себе еще прижать муженька и допросить как следует, и повернулась к золовке:

– А ты чего не готова? Еще опоздать не хватало. Давай собирайся, пока я завтрак заказываю, и спускайся в зал.

– Я с Греточкой, чтоб не мешать, – шмыгнул за природницей Шуршегрем, понимая, что его выходка еще свежа в памяти хозяйки и не останется безнаказанной.

Оставшись одна, Илька занервничала. Чего ожидать от экзамена, каким он будет, как отнесутся к ней другие поступающие и сможет ли она поступить? Все вопросы без ответа перемешались в голове.

Ильмара умылась, торопливо оделась, решив не заплетать волосы, поскольку, во-первых, нечем, а во-вторых, так она выглядела чуть взрослее, чем с косичками.

Платье Илька надевать не стала, выбрала длинную синюю юбку-колокол и миленькую белую блузку с едва заметным голубеньким узором из тонких веточек на хлопковой ткани.

С огорченным вздохом вытащила из-под кресла ботинки.

Туфель у Ильки не было, поскольку в деревенской слякоти и грязи Закустовки такая обувь была не в чести. Зимой сугробы, осенью и весной снежная слякоть, а лето на севере рядом с Ледяными горами было как ранняя весна в обычном среднем климате. Так что крепкие ботинки и нарядные сапожки – это все, что привозили туда торговцы.

А здесь, в Грослинделе, было позднее лето. Теплое и сухое. Гуляя по городу, Илька видела, как одеты большинство местных жительниц. Яркие летние платья почти до земли, с оборками и кружевами, а на ногах изящные туфельки на каблучках, цокающие по булыжным мостовым.

У нее же все платья были до середины икр без всяких излишеств по подолу, чтобы не извозюкаться, и на ногах неизменные высокие грубые ботинки на толстой подошве с подкованными каблуками, чтобы не снашивались. Единственное, что роднило девушку с местными дамочками, это цокот ее подковок по булыжникам тротуара. Первую в жизни длинную юбку ей подарила Грета в качестве извинения, что не может походить с Илькой по магазинам, поскольку в городе предприимчивую гномку моментально закрутили дела.

– Еще находишься по местным лавкам. Вот поступишь – и будешь на выходных с сокурсницами бегать. Все изучите, –

заверила она золовку, отдавая подарок.

В одном природница ошиблась: город Илька, благодаря Дереку, изучила раньше, только вот выданные матерью скудные монетки тратить не решилась. Цены в местных магазинчиках были не в пример выше, чем в родной деревне после приезда караванщиков, а от выбора просто глаза разбежались.

Парню она в этом, конечно, не призналась, но тот, видно почувствовав, как-то между делом упомянул о положенной студентам МАСМ форме, бесплатном питании в столовой, академических артефактах и стипендии тем, кто хорошо учится.

Сумма, им озвученная, показалась Ильке очень приличной, и она решила, что если уж поступит, то постарается учиться хорошо!

Сейчас, спускаясь к завтраку, где ждали Грета и Шуршегрем, она все больше и больше переживала, что могут и не принять.

«Но профессор Бяо говорил, что учиться мне необходимо, дар блокировать не будут. Значит, примут в любом случае», – успокаивала себя она.

В обеденном зале таверны народу было много. Заведение Сары Шнырь пользовалось заслуженной репутацией очень приличного места, и сейчас здесь было полно понаехавших поступающих в академию с родителями или опекунами. Кто-то поселился тут, как и Ильмара, кто-то просто зашел позав-

тракать. Кормила посетителей Сара отменно, и выбор блюд у нее был на любой вкус для всех рас.

К удивлению Ильки, за столом, где сидела гномка, находился и Дерек Вольтецкий. Парень что-то рассказывал вполне добродушной Грете, и было видно, что рыжая кучеряшка довольна общением, в отличие от хмурого, сидящего под столом Шуршегрема. Метаршигл хрустел поджаристыми чесночными сухариками и сладкой морковкой, но вид имел недовольный. Маленькие глазки-пуговицы прожигали взглядом длинные ноги в сапогах цвета темной охры, вытянутые как раз перед его мордой.

Сегодня Вольтецкий выглядел весьма необычно, и Илька по цветам догадалась, что это форма бытового факультета.

На парне был костюм темно-горчичного цвета с бледно-золотистой рубашкой оттенка растопленного сливочного масла. Знак факультета с перекрещенными метлой и сковородкой матово блестел золотом на лацкане, из-под манжеты рубашки посверкивали звенья браслета-переговорника, а на среднем пальце правой руки, переливаясь гранями, сверкал в падающих из окна лучах солнца желто-золотой неизвестный Ильке камень перстня-идентификатора. У ее братьев все эти украшения-артефакты были серебряные с черепом, а камешки были без граней, гладкие, гагатовые.

– Ну наконец-то! – Раздраженный голос Шуршегрема был едва различим в гулком гомоне набитого зала, но рядом сидящие посетители покосились на подошедшую к столику

Ильмару, разглядывая ее саму и ее скромный наряд.

Разодетые девицы за соседним столиком, оценив их компанию, презрительно фыркнули и, шепчась, захихикали, отчего Ильке захотелось провалиться сквозь землю. Кажется, она начала чувствовать на себе то, про что намекал Дерек, и понимать, что это только цветочки.

«Не может же быть, чтобы туда поступали только городские и богатые, – пыталась она подбодрить себя. – Найдутся и мне подружки, а еще я буду стараться учиться. К тому же у меня Грема есть, а еще Винни обещал помочь, и Дерек вроде как предлагал общаться и поддерживать друг друга».

– Иля, ИЛЯ! – Грета, дернув ее за рукав, была вынуждена повысить голос, чтобы докричаться до золовки. – Ешь быстрее. Скоро очередь у портала будет из идущих на экзамен. Чего ты замерла, как неродная?

Ее громкий пронзительный голос опять вызвал приступ внимания у окружающих.

– Ой, эта нищенка поступает? И у нее в родне гномы? Какое убожество! – услышала Ильмара за спиной. – Куда катится академия, если таких принимают учиться! Их надо сразу блокировать, чтобы не позорили звание мага.

Девушке очень хотелось посмотреть, что там за гадина, но Грема, дернув ее за юбку, мрачно посоветовал из-под стола:

– Не оборачивайся! И спину выпрями, не сутулься! Я ее запомнил. Я всех запомнил.

– Это только начало списка, колюченький, – так же

негромко вставил свою монетку Дерек. – Я же говорил. И таких будет гораздо больше, поэтому нам лучше держаться вместе.

– Не нервируйте девочку, охламоны! – грозно сверкнула на них глазами Грета. – Ей об экзамене думать надо! А не о всяких там... Я нормально отучилась. Ешь, Илечка, все хорошо будет.

«Конечно, – подумала Илька. – Вряд ли были ненормальные, рискнувшие пойти на конфликт с решительной природницей, особенно когда за ней начал ухаживать тролль-некромант. Но экзамен и правда важнее! Не могут же все быть такими, как та говорящая гадости девица у меня за спиной?»

Глава 10. О «легком» экзамене и разных личностях

Слово «экзамены» вызывало у Ильки нервную дрожь и толпу мурашек, вольготно марширующих по спине, словно на параде. Очередь к стационарному portalу и множество народа в холле академии как-то спокойствию девушки не способствовали. Она вцепилась в руку Греты, как в спасательный круг, и очень нервничала.

Грема согласился остаться с Дерексом в парке, заявив, что попробует вывести того на чистую воду и разузнать заодно что-нибудь полезное. Это тоже отвлекало мысли не в ту сторону. Надо было сосредоточиться на экзамене, а Илька переживала, как бы в парке оставшиеся без присмотра «парни» не рассорились, хотя рассуждения Шуршегрема и то, что он не поперся с ней, были более чем разумными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.